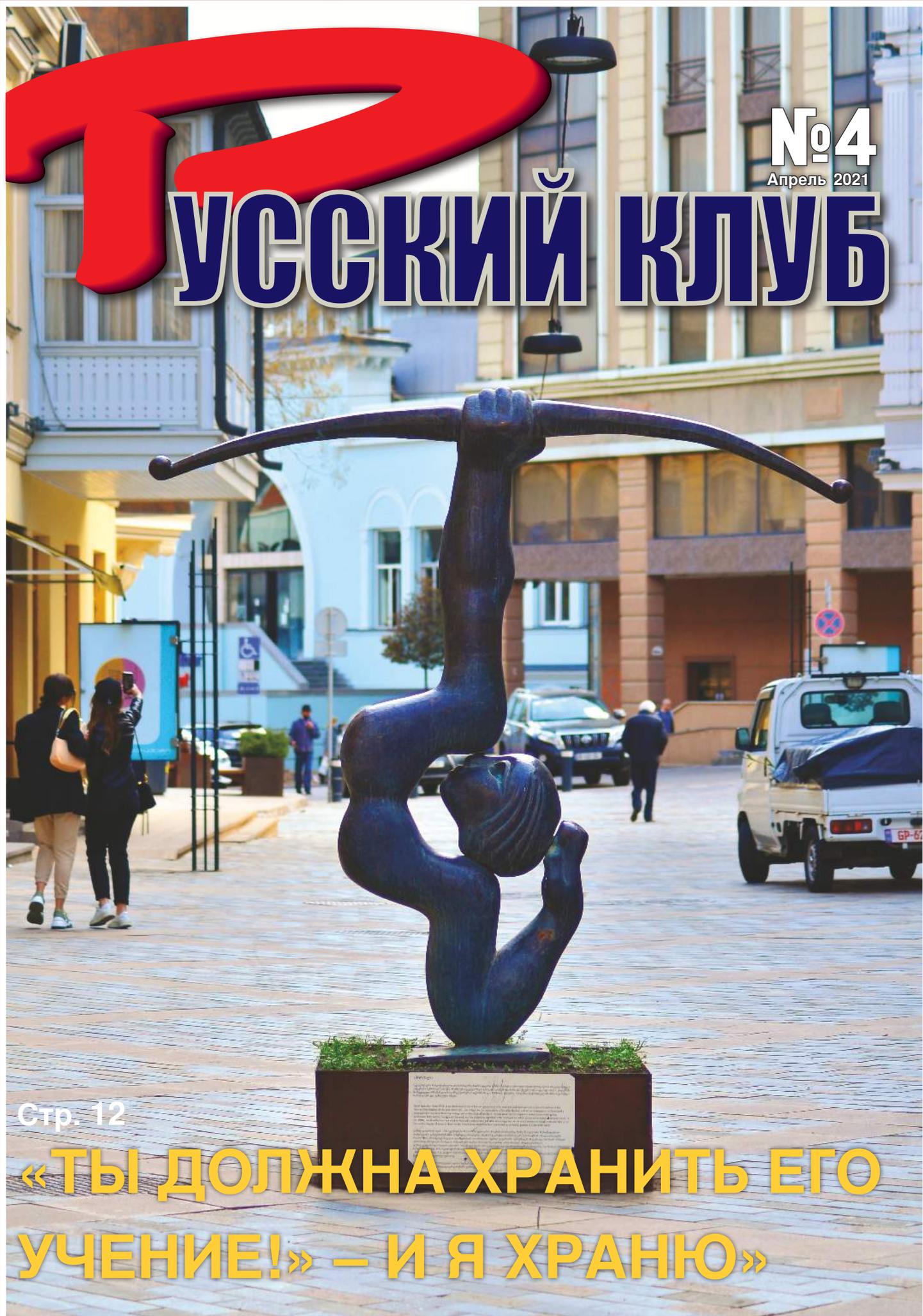

№4
Апрель 2021

Т УССКИЙ КЛУБ

Стр. 12

«ТЫ ДОЛЖНА ХРАНИТЬ ЕГО
УЧЕНИЕ!» – И Я ХРАНЮ»

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

№4 (186)
Апрель 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«რუსული კლუბი»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВСПОМИНАЯ ПРОШЛЫЙ ВЕК
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
- 12 «ТЫ ДОЛЖНА ХРАНИТЬ ЕГО УЧЕНИЕ!» – И Я ХРАНЮ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 18 ОНИ ТВОРИЛИ В ГРУЗИИ
- 21 ВСЕ ВПЕРЕДИ!
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ: ДОБРО ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 36 СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР ДУЕТ С ЮГА...
НИНА ШАДУРИ
- 41 ЗДЕСЬ УЧИЛИСЬ ПРЕКРАСНОМУ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 44 КУЛИНАРНЫЙ ШЕДЕВР ГРУЗИНСКОЙ КНЯГИНИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 48 ПАСХАЛЬНЫЙ БАРАШЕК
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 50 «ГОСПОДА ЮНКЕРА, КЕМ ВЫ БЫЛИ ВЧЕРА?»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

На обложке – СКУЛЬПТОР ДЖЕМАЛ ДЖАПАРИДЗЕ. АМАЗОНКА
Фото АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

от а до

Роб АВАДЯЕВ

ДЕНЬ, КОГДА ЗАМОЛКЛО РАДИО

Той далекой прохладной весной я частенько не ходил в школу – на исходе зимы ухитрился подхватить ангину и долго-долго лечился. Телевизоров и компьютеров тогда не было, оставались только книжки. Я уже вполне неплохо читал и частенько забирался с ногами в старинное глубокое кресло соседки, которая снабжала меня книжками и присматривала за мной, когда я оставался дома один. Мама была, естественно, на работе. Не помню, что у меня была за книжка, но я увлекся сюжетом и не сразу обратил внимание на суету в нашей коммуналке. Забегали соседи, а кто-то из женщин громко переговаривался в форточку с кем-то во дворе: «Радио молчит! Что-то случилось!»

Мы выскочили в общую кухню, где один из мужчин вертел в руках снятый со стены черный репродуктор с картонным раструбом, который обычно работал целый день, начиная с первого советского гимна в шесть утра и до последнего в полночь. Репродуктор глухо молчал. «Вроде не

испорчен, а молчит», – озадаченно протянул сосед. «И в пятнадцатой квартире тоже не работает. Наверное, будет сообщение», – откликнулась другая соседка, и все встревоженно стали переглядываться. Я понял, взрослые боялись, что случилось что-то плохое. Тут внезапно в тишине раздался громкий голос диктора Левитана: «Внимание, внимание! Говорят все радиостанции Советского Союза!» Сосед от неожиданности чуть не выронил репродуктор и выдохнул: «Неужели война?» Но Левитан громко и торжественно продолжил читать заявление советского правительства. Это было сообщение о первом полете человека в космос. Нашего человека! Юрия Гагарина! Как же мы все закричали от радости, а потом даже без пальто выскочили во двор, где стали обниматься с соседями из других подъездов. Меня, правда, загнала в дом соседка, чтобы я не подхватил осложнения. Она даже не пустила меня на улицу Горького, где над Центральным телеграфом, говорили, с вертолета сбрасывали листовки. Аж два раза! Сосед Сеня показывал мне, умиравшему от зависти, одну из них. И ни за что не захотел меняться, даже на мой роскошный перочинный ножик с тремя лезвиями... Это была ничем незамутненная радость всех советских людей, абсолютно всех. Первая после Великой Победы.

Сейчас довольно трудно представить себе такое единство. Это случилось ровно шестьдесят лет назад. Молодой советский космонавт Юрий Гагарин взлетел на ракете из казахстанской степи старшим лейтенантом, а приземлился в Саратовской области уже майором, совершив в крошечном космическом корабле «Восток-1» за полтора часа полный облет нашей планеты. Он сказал про Землю: «Какая же она маленькая!» Потом, когда через много лет я увидел точный макет капсулы «Востока», то удивился, что он мог увидеть в такой маленький иллюминатор? И тому, что Гагаринский «Восток» практически невозможно было пилотировать вручную. Но это было уже потом и совсем неважно. Важен был этот великий день 12 апреля 1961 года, подаривший народу такой замечательный праздник посреди холодной и слякотной весны.

ТАЛАНТЛИВЫЙ АВАНТЮРИСТ

Невзирая на статус великого писателя, обессмертившего свое имя созданием гениального «Робинзона Крузо», Даниэль Дефо при жизни считался изрядным мерзавцем. Этот сын фламандца-мясника Якоба Фо (приставку «де» Даниэль

потом добавил, чтобы скрыть протестскую фамилию) происходил если и не из низов, то уж точно не из привилегированных слоев английского общества. Его папаша избрал сыну судьбу священника и отправил учиться в протестантскую духовную академию, где талантливый юноша изучил несколько европейских языков и набрал много полезных знаний. Но по окончании от церковной карьеры увильнул. Его поманила вольная жизнь. И чем Даниэль только не занимался, кем он только не был! Судите сами – банкрот, прогоревший с неудачными бизнес-делками, участник восстания Монмута против короля Якова второго, едва избежавший наказания, в отличие от героя романа Рафаэля Сабатини про пиратского капитана Блада. Затем Даниэль стал журналистом и писал политические стихи, за которые как-то был даже приговорен к стоянию у «позорного столба». А еще Дефо сидел в тюрьме за долги. Но его оттуда выгнали другой ветеран восстания Монмута – лорд Хартли, ставший к тому времени министром иностранных дел в правительстве королевы Анны. Он-то и решил использовать уникальные свойства лихого прожженного журналиста – его обаяние, умение заводить полезные контакты, проворачивать хитроумные акции. Так будущий великий писатель стал... создателем английской разведки. Согласитесь, та еще биография у признанного гения. В те времена шпионы объединялись в некую разновидность частных компаний, подобно современным частным военным компаниям. Причем использовали их именно «частным» образом – кому выгодно и кто заплатил за услугу. Да и частный статус был удобен, всегда можно было откеститься от провала. Государ-

ственной английская разведка стала только незадолго до Первой мировой войны. Главной задачей разведки XVIII века была организация восстаний и заговоров, чтобы потом ослабленную и обескровленную страну можно было подчинить своему влиянию. Но гениальный Дефо предложил другое – сбор информации и глубокий анализ, позволяющий делать точные прогнозы и гасить мятежи и неприятные сюрпризы в зародыше. Он создал разведывательную сеть в Шотландии не в среде высшего света и придворных, склонных к интригам, а среди простых людей – ремесленников и купцов.

«Сэр, мои шпионы и получающие от меня плату люди находятся повсюду. Признаюсь, в Шотландии самое простое дело нанять человека для того, чтобы он предал своих друзей». Так писал Даниэль Дефо своему шефу Роберту Хартли. Он

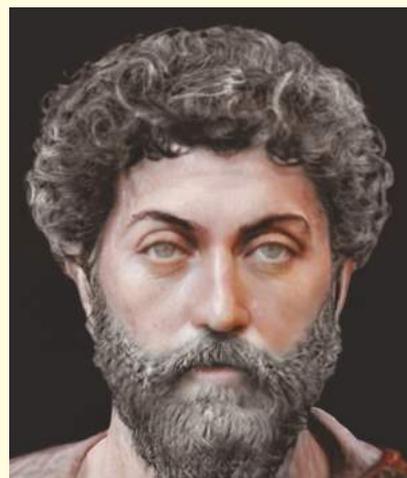

так ловко собрал нужные сведения в этой беспокойной стране, так точно выяснил настроения шотландцев, так обработал общественное мнение при помощи газет, что Хартли о присоединении к Англии 1707 года прошла без всяких проблем. А затем Дефо эти прогрессивные техники применил и в самой Англии. Он считал, что сбор сведений помогает определять исход выборов в парламент, а также вести пропагандистскую работу. Другими словами, он был талантливейшим политтехнологом. А еще Даниэль не любил «кабинетную работу», предпочитая «полевую» – путешествовал под личиной рыбака, в рясе священника, или с лотком уличного торговца, много разговаривая с людьми. «Пошумят и перестанут», – написал он шефу, который очень беспокоился за ненавидевших Англию шотландцев. Даниэль Дефо возглавлял английскую

разведку и контрразведку больше пятнадцати лет, с 1703 по 1719 год. И только потом, удалившись от дел, написал свою знаменитую книгу про Робинзона Крузо. В ее основе были вполне реальные события и герои. Но образ Робинзона, конечно же, собирательный. Как профессионал, Дефо имел доступ к закрытым архивам, там и обнаружил множество деталей деятельности приватиров капитана Дампира – они занимались грабежом и захватом вражеских торговых кораблей. Кстати, именно этот капитан высадил на берег склочника и бунтовщика Александра Селкирка – наиболее вероятного прототипа Робинзона. Только тот провел на острове четыре года и четыре месяца, а не двадцать лет. Позднее Дефо написал продолжение приключений капитана Крузо в горах Португалии, в Китае, Монголии, в России, в Тобольске. А в 1724 году писатель под псевдонимом Чарльз Джонсон опубликовал знаменитое произведение «Всеобщая история пиратства». Всего гениальный писатель и шпион, регулярно менявший хозяев тори на вигов и обратно не один десяток раз, написал более 500 произведений. Но люди его не любили, считая опасным негодяем, коварным интриганом и авантюристом.

ФИЛОСОФ НА ТРОНЕ

Когда вспоминают древнеримских мыслителей, то вспоминают трех персон. Первые двое – это Цицерон и Сенека. Цицерон был великим оратором, Сенека – моралистом, политиком времен жестокого Нерона (потому и плохо кончил) и его воспитателем. А третьим называют Марка Аврелия, родившегося 26 апреля 121 года. Этот герой был «редкой птицей» – он был глубоким интеллектуалом, философом и писателем, а по совместительству

великим императором, одним из славнейших во времена Древнего Рима. Период его правления называют «золотым веком», а самого Марка Аврелия – последним из пяти «хороших» императоров, ибо дальше в истории Вечного города владыки были один хуже другого. Императором он стал не по праву рождения – в Риме властители обычно усыновляли подходящего наследника и редко оставляли власть своим детям. Марк Аврелий был женат на дочери императора, и тот, весьма неглупый человек, решил совершенно справедливо, что зять вполне достоин трона, хоть и не был брутальным воякой, а слыл скорее мудрецом и философом. Он был высоконравственным гуманистом, хорошо образованным человеком. И по своим философским взглядам был убежденным и непреклонным стоиком, ненавидящим насилие и войны. Он был очень интересным писателем, его знаменитая книга «Наедине с собой» и сейчас прекрасно читается. Но вот ирония судьбы – Марку Аврелию пришлось все свое правление непрерывно воевать. И с парфянами за Сирию, Армению и Месопотамию, и с германцами за придунайские области, и с сарматами. Он и умер во время похода от чумы в военном лагере на территории современной Вены. И, конечно, никакой принц Комод его не убивал, как показано в фильме «Гладиатор». Марк Аврелий одним из немногих решил передать трон своему очень плохо пригодному для власти сыну. Бывают и у философов ошибки – Комод был очень жестоким, вздорным и неумным, причинившим Риму много горя. Увы! А вот два из множества прекрасных изречений Марка Аврелия: «Самый презренный вид малодушия – это жалость к самому себе» и «Ни с кем не случается ничего такого, что не в силах было бы вынести».

Здание Филармонии

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛЫЙ ВЕК

■ **Роин МЕТРЕВЕЛИ**

В начале 70-х годов работа в Центральном комитете партии шла обычно без каких-либо особенностей. В Грузию так же, как и в другие республики, из союзного ЦК поступали директивы, и мы работали для их выполнения. В последующем этот период оценили как «застойный». Возможно, это так и казалось, но в 1970-72 годах определенное «движение» несомненно наблюдалось. Сам Леонид Брежнев пока еще был здоров, довольно трезво мыслил. В этом я впервые убедился во время его визита в Грузию, в мае 1971 года (об этом расскажу ниже). Результат трудов страны измерялся урожайностью винограда и чая, поскольку на эти продукты был большой спрос, и республиканские организации в основном были заняты этим. Работали Руставский металлургический комби-

нат, электровозостроительный, вагоноремонтный, станкостроительные заводы, Кутаисский автомобильный завод, Зестафонский завод ферросплавов, добывали и обрабатывали марганец в Чиатура шло строительство. Я не буду останавливаться на партийной деятельности в общем. Коснусь только некоторых вопросов, которые считаю интересными для читателя.

Я только приступил к работе, когда ко мне пришли известные поэты Давид Квициридзе и Зураб Кухианидзе. Давид был главой Кутаисской организации писателей, а Зураб – директором филиала издательства «Сакартвело». Они пожаловались, что вблизи Гелати находится каменоломня, в которой постоянно производят взрывы, а это вызывает образование трещин на здании Гелатского храма. А еще добавили, что от самолетов истребителей (МИГ) тоже много проблем. При преодо-

лении сверхзвукового барьера (приблизительно 2200 км/ч) они издают звук сильнее взрыва, волны которого достигают зданий и тоже наносят повреждения храму. Для усиления впечатления отметили, что известная Гелатская мозаика вот-вот рассыплется. Я доложил руководству об этом факте и незамедлительно пригласил к себе командующего Военно-Воздушными силами Закавказья генерала Василия Логинова. У этого очень симпатичного человека было много друзей грузин, у меня с ним тоже были хорошие отношения. Когда я объяснил ему обстановку, тот засомневался, мол, вряд ли из-за полетов наших самолетов могло что-то повредиться, мой рассказ ему показался несколько преувеличенным. Видимо, Василий Логинов срочно проверил состояние Гелатского храма, спустя неделю после нашей беседы пришел и по-военному доложил, что маршрут полетов изменен и больше никому не будет нанесен вред. Вместе с тем попросил в ближайший воскресный день посетить аэродром Вазиани (это был военный аэродром), чтобы посмотреть по-

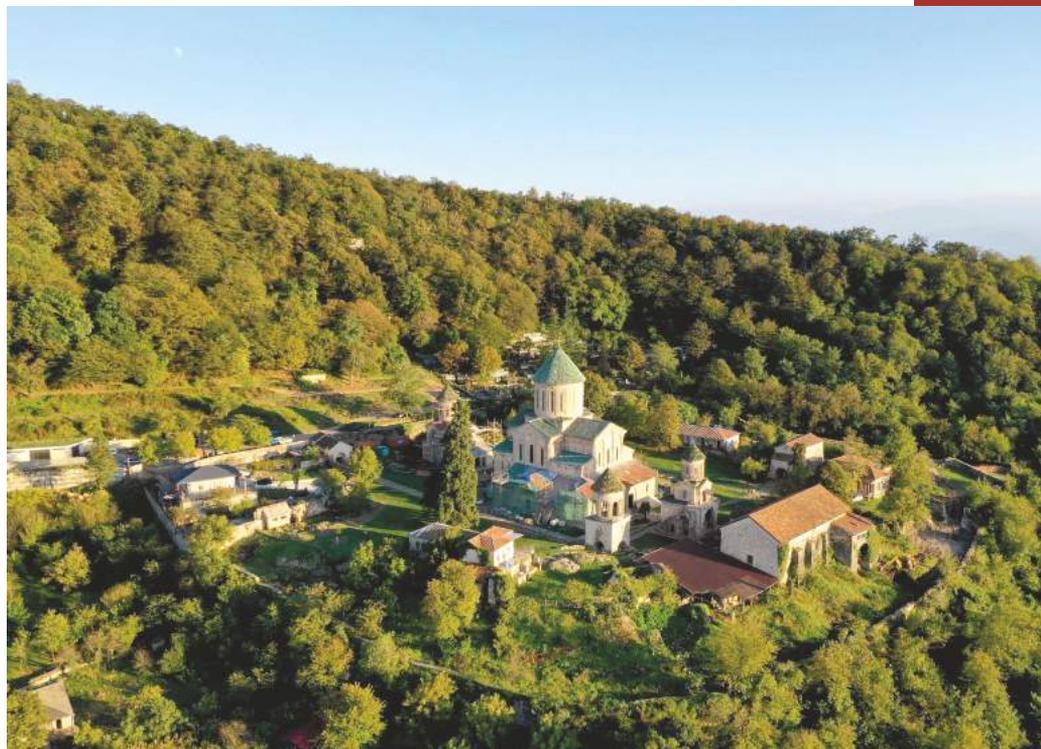
Леонид Ильич Брежнев

казательные полеты. Это было интересное зрелище. Главное, что генерал тоже сел за штурвал и показал пилотаж высокого класса. Василия Логинова вскоре перевели в Москву. Вместо него был назначен очень интересный человек – Владимир Дольников (прототип рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека»). С ним также не было никаких проблем с точки зрения маршрутов тренировочных полетов истребителей. Вопрос о взрывах в карьере вблизи Гелати и Моцамета и их последствий правительство отдельно рассмотрело, и он был практически закрыт.

Обстановка, возникшая вокруг храма Гелати, привела нас к выводу, что следует более внимательно относиться к намного больше делать для ухода за памятниками материальной культуры. Местные партийные и советские организации, в основном, были заняты выполнением планов, а о культуре думали меньше. По нашей инициативе отдел организационно-партийной работы совместно с отделом культуры внес на рассмотрение бюро Центрального комитета вопрос об охране памятников материальной культуры и уходе за ними. Было принято постановление, предписывающее районным и местным организациям заботиться о церквях, монастырях, археологических памятниках, этнографических материалах и охранять их. Это был фактически беспрецедентный случай.

Мне очень трудно дать какую-либо оценку деятельности Центрального комитета вообще. Хочу лишь рассказать о некоторых событиях и фактах. Было запланировано проведение в мае 1971 года 50-летнего юбилея коммунистической партии Грузии и установления в Грузии советской власти. За несколько месяцев началась подготовка. Правительству, министерствам, отделам Центрального комитета были даны определенные задания. Торжественное заседание решили провести в недавно построенном здании Филармо-

Гелати

нии. Был создан организационный штаб, руководство которым было поручено мне. Секретарей Центрального комитета и заместителей председателя правительства прикрепили к делегациям. Приезжали первые лица всех республик. Вместе с Леонидом Брежневым ждали министра обороны Советского Союза Андрея Гречко.

Одним словом, подготовка к юбилею шла полным ходом. Из секретарей ЦК без функции остался Шота Чануквадзе (он слабо владел русским языком, поэтому не сочли нужным прикрепить его к какой-либо делегации). Ему было поручено курировать меня, как председателя организационного штаба. Это было очень хорошо для меня: ответственность отчасти перелагалась и на него, а он был опытным человеком с чутьем и умело решал вопросы. А решать нужно было многое. Шота Илларионович был наделен отличным чувством юмора. Во время одной из встреч с прикрепленными к делегациям (секретари ЦК, заместители председателя Совета министров) мы привезли их к зданию Филармонии и показали две двери рядом друг с другом, указывая, в какую из них должны были войти члены Политбюро и руководи-

Василий Мжаванадзе

тели делегаций, и в какую – их супруги (все были приглашены с супругами). Мы им сообщили, что у первой двери их будет встречать наш сотрудник Борис Адлейба, а у второй – Гиви Хеладзе. Все было просто и ясно, но все же эти руководители высокого ранга задавали уйму вопросов. Я терпеливо отвечал на порой бессмысленные вопросы. Шота Чануквадзе, который стоял рядом, не вытерпел и строгом, но не без юмора, тонно обратился к ним: товарищи, объясните мне, из дома на работу сами ходите или вас кто-то водит?

Большой зал Филармонии, где должно было проходить заседание, мы осмотрели вместе со вторым секретарем ЦК Альбертом Чуркиным (здание, особенно внутренние работы, еще не были завершены). Он был профессиональным строителем, высказал интересные соображения относительно дизайна и вызвался сам контролировать их выполнение. При рассмотрении макета зала оказалось, что на сцене в первом ряду президиума располагались 25 стульев. Леониду Брежневу выпадало сидеть на 13-ом стуле (посередине, как полагалось). Вторая часть торжества отводилась концерту. Гости, располагавшиеся в президиуме, должны были пере-

йти в зал. Ряд, который был отведен для почетных гостей, тоже оказался тринадцатым. Учитывая, что Леонид Брежнев прилетал 13 мая, получалось слишком много «13». Василий Мжаванадзе сначала сказал, что ничего особенного, но немножко подумав, как будто в шутку (обычно он редко шутил) добавил: а давайте, пусть в филармонии не будет 13-го ряда. Я опешил, Альберт Чуркин тоже растерялся. А Мжаванадзе продолжил: вместо 13-и напишем 12а и проблема будет решена. И действительно, в Большом концертном зале филармонии после 12-го ряда последовал ряд 12а. Так было очень долго (если не ошибаюсь, по сей день).

В связи со зданием Филармонии нужно было решить еще один важный вопрос с установкой «Муза» Мераба Бердзенишвили. На заседании бюро ЦК председатель правительства воздержался, посчитав, что московское руководство не одобрит установку такой скульптуры. Действительно, строительство культурных сооружений и установка масштабных памятников часто вызывали недовольство высшего руководства (в свое время Никита Хрущев раскритиковал руководство Грузии за строительство Дворца спорта). Гиви Джавахишвили помнил старые выговоры и проявлял осторожность. Василий Мжаванадзе выделил группу, которая должна была принять соответствующее решение. То есть многое зависело от оценки и заключения этой группы. Альберт Чуркин, Отар Лолашвили (первый секретарь Тбилисского горкома партии), Иване Чхенкели (архитектор, автор проекта здания Филармонии), Шалва Кикнадзе (заместитель председателя Совета министров) и я направились в гараж Трамвайно-троллейбусного парка, где в одном из модулей находился упомянутая скульптура. На месте нас встретил автор «Музы» Мераб Бердзенишвили и проводил к «Музе». Скульптурное произведение было создано с таким расчетом, что его восприятие было возможно с определенного расстояния. У некоторых членов нашей группы

возникли вопросы, кто-то начал рассматривать отдельные части памятника. Все это происходило по-дилетантски, на непрофессиональном уровне. Тогда я попросил Иване Чхенкели высказать свои соображения (я с ним беседовал раньше и знал его мнение). Он дал памятнику высокую оценку и особо подчеркнул, что зданию, построенному по его проекту, необходима скульптура, которая дополнит и украсит его. Его мнение и предложение сразу же были приняты. На следующий день Альберт Чуркин доложил об этом бюро ЦК, так что установке скульптуры как будто больше ничего не препятствовало, но некоторые члены бюро, особенно Гиви Джавахишвили, вновь призывали воздержаться, опасаясь, что «Муза» вызовет критику со стороны руководства. Вопрос решил Василий Мжаванадзе, который предложил к приезду гостей на месте, предназначенном для скульптуры, расположить какой-нибудь временный стенд, а через несколько недель установить «Музу». Так и сделали: поставили очень красивый стенд со знаменами. А вскоре после завершения юбилейных торжеств воздвигли «Музу», которая по сей день украшает нашу столицу.

Хочу рассказать об одной детали в связи с подготовкой к юбилею. Вместе с другими я участвовал в подготовке материалов для основного доклада. Я предложил Мжаванадзе в самом начале доклада вставить один такой абзац: «Длинным и тернистым был путь Грузии на протяжении веков и тысячелетий. Закавказье как магнит притягивало орды завоевателей. Многие шли с войной на эту землю, но горести и беды, выпавшие на долю грузинского народа, не сломали его, не погасили его творческую энергию. Эта энергия вновь и вновь возродила Грузию из руин и пепла...» Эти несколько предложений безоговорочно вошли в доклад первого секретаря. Стоит подчеркнуть, какое большое значение имели эти фразы для того времени – 1960-1970 годы! Но эта «вставка» в докладе имела интересное продолжение.

Когда доклад был окончательно готов, Василий Павлович отправил один экземпляр в Москву, в Центральный комитет, помощнику Брежнева Георгию Эммануиловичу Цуканову. Три дня спустя Георгий Цуканов позвонил и без всяких извинений сказал Мжаванадзе, что тот должен был уступить упомянутый абзац, поскольку он очень понравился Леониду Ильичу и, скорее всего, будет внесен в его выступление. Василий Мжаванадзе, разумеется, согласился. Леонид Ильич подчеркнуто прочитал эти слова и заслужил громкие аплодисменты. Возможно, тогда так было лучше – оценка прошлого Грузии со стороны руководителя советской страны имела особое значение.

Однажды (весной 1971 года) мне позвонил Мжаванадзе и пригласил к себе. Он выглядел озабоченным. Сказал, что ему позвонили из политбюро и сообщили, что Серго Закариадзе сорвал съемки фильма, посвященного Великой отечественной войне. Он попросил поговорить с Серго и выяснить, что случилось. К тому времени Серго Закариадзе был представлен кандидатом в депутаты Верховного совета Советского Союза и Василий Павлович беспокоился, что эта история может ему помешать. До встречи с Закариадзе я выяснил, что речь шла о съемках четырехсерийного фильма Юрия Озерова «Освобождение», в котором Серго Закариадзе был приглашен на роль Сталина. Оказалось, что именно съемки этого фильма он демонстративно покинул. Я был близко с ним знаком. Помню, в 1967 году в Москве состоялись Дни грузинской культуры. Россию посетила довольно большая делегация, в том числе наши художественные коллективы. Проводились встречи в вузах, фабриках и заводах, театрах, в Союзе писателей – центральной персоной делегации был Серго Закариадзе. Где бы ни появился «отец солдата», его везде встречали овациями. Интеллектуальная элита Москвы крутилась вокруг нас. В последний день во Дворце съездов Кремля был запланирован заключительный концерт. Подготовка

началась заранее. Главным режиссером-постановщиком концерта был народный артист Советского Союза Иосиф Туманов. Ему также помогали грузинские режиссеры (особенно Арчил Чхартишвили). Финал концерта был задуман очень интересно: из глубины сцены выходил Серго Закариадзе в обмундировании отца солдата, с кратким выступлением обращался к общественности и бросал в зал гвоздики. На концерте присутствовал весь состав политбюро во главе с Леонидом Брежневым. Концерт прошел блестяще... И наконец, апогей – появился Серго Закариадзе с огромной охапкой гвоздик в руках... Весь зал (шесть тысяч человек) встал и зааплодировал. Серго чинно, как подобает отцу солдата, вышел на сцену и начал... Повернулся к правительственной ложе, к генеральному секретарю и произнес его имя, замешкался... потом

еще раз произнес его имя... по-видимому, отчество вылетело из головы... в зале чувствовалась неловкость, но овация продолжалась. Серго Закариадзе бросил гвоздики сидящим в партере и концерт завершился.

На приеме после концерта Серго Закариадзе сидел молча, нервничал. Он перенервничал настолько, что даже заболел ненадолго. Зная о большой ответственности и чувствительном характере Серго Александровича, мне было трудно встретиться с ним и говорить о неловкой теме.

Я позвонил Закариадзе, справился о его здоровье и попросил о встрече. Он накануне вернулся из Москвы и, оказываясь, ждал подобного звонка. Не дав мне закончить, он ответил: «Через десять минут буду у тебя». Серго Александрович рассказал мне очень интересную историю: «Как только Юрий Озеров пригласил

«Муза» у филармонии

Серго Закариадзе

меня на роль Сталина, я сразу согласился. Сценарий был довольно интересным и для меня было важным сыграть эту роль. После определенной подготовки начали снимать первые кадры. Именно тогда и возник конфликт». Серго Закариадзе встал и с волнением продолжил рассказ: «Вижу, Жуков (его играл М. Ульянов) встал надо мной и дает указания, к тому же, довольно нагло размахивает руками у меня перед носом (представляешь, так вели себя со Сталиным, – часто повторял он), другие генералы тоже вели себя нетактично. Поэтому я прервал съемки, подозвал Юрия Озерова и сказал: «Если я Сталин, предупреди всех, чтобы вели себя тактично, например, обращались ко мне – разрешите, товарищ Сталин... и т.д., как и было в реальности». Озеров намеревался принизить роль Сталина и возвеличить Жукова и других, на что я не мог согласиться. Поэтому конфликт закончился тем, что я сбежал».

Эту историю Серго Закариадзе рассказал также руководителю республики. Василий Мжаванадзе связался с Михаи-

лом Суловым и после их телефонного разговора все мирно уладилось. На роль Сталина появилась новая кандидатура – брат Серго Александровича Бухути Закариадзе.

Летом 1971 года состоялся XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Я был среди делегатов. Нашей делегации было отведено место в Кремлевском Дворце съездов. Рядом со мной оказался выдающийся кинорежиссер Сергей Герасимов. Сергей Апполинариевич был признанным во всем мире кинорежиссером, актером, кинодраматургом и теоретиком кино. Он был удостоен звания Героя, был четырежды лауреатом Государственной премии. Герасимов создал множество фильмов, среди которых выделялись «Тихий Дон» (по роману М. Шолохова), «Люди и звери», «Журналист», «У озера», «Любить человека» и др., был доктором искусствоведения. Одним словом, Сергей Герасимов был весьма интересной личностью. В течение всей недели мы довольно тесно общались, вместе обедали, в свободное время он рассказывал много интересного. Герасимов искренне уважал Грузию и грузин. Во время одной из бесед он спросил, видел ли я фильм Отара Иоселиани «Апрель». Получив положительный ответ, удивился – ведь фильм был запрещен. Дело было в том, что в 60-х годах я был членом худсовета киностудии и был обязан не только просматривать все новые фильмы, но и знакомиться со сценариями. Я объяснил Сергею Апполинариевичу, почему смотрел фильм и даже поддерживал его показ широкой общественности, существует стенограмма в подтверждение этого. Поняв, что он слушает меня с некоторым сомнением, я сообщил ему одну деталь, в частности, что председатель Союза кинематографистов Сико Долидзе зачитал его (Герасимова) депешу, в которой он не только поддерживал, но и поздравлял киностудию Грузии с победой создания фильма «Апрель». Я также осмелился и высказал предположение, что «арест» фильма был скорее на совести московских цензоров.

Ведь «Апрель» был действительно интересным и далеким от политики фильмом. К сожалению, зритель не смог его посмотреть.

...XXIV съезд отличался бесчисленными аплодисментами. Помню, сидящий в президиуме лидер Румынии Николае Чаушеску демонстративно стучал пальцем по своим часам – мол, много времени теряете на аплодисменты. Здесь явно чувствовались трещины в коммунистическом движении: румыны, югославы уже не скрывали своего критического отношения к Компартии СССР. Все же съезд прошел в спокойной обстановке. Я подчеркиваю это потому, что предыдущие съезды и пленумы проходили очень шумно. Помню, в феврале 1964 года состоялся пленум по проблемам сельского хозяйства. Пленум начался в понедельник. Внезапно ЦК Грузии получил указание дополнительно направить делегацию в Москву. Дело в том, что Никита Хрущев должен был в пятницу выступить с пространственным докладом, к тому же в Кремлевском Дворце съездов (раньше заседания проходили в обычной зале заседаний), который вмещал 6 тысяч человек. Поэтому пришлось подтянуть большое количество слушателей. Будучи секретарем ЦК комсомола, я был довольно далек от сельского хозяйства... Начался доклад Хрущева. С первых же слов он исходил гневом. В то время сельское хозяйство было в плачевном состоянии и первое лицо государства выражало свое возмущение в довольно грубой форме. Неожиданно Хрущев спросил: где Кучумов? (руководитель всесоюзной «Сельхозтехники»), Кучумов встал в первом ряду. Хрущев продолжил: «Мы тебя в Финляндию послали, чтобы ты нам технику привез... а ты только панталоны достал для тещи...» Кучумов упал в обморок и его вынесли на носилках. Таких примеров было много.

XXIV съезд проходил сравнительно корректно. Были случаи, когда выступающие в прениях избегали основных вопросов. Например, выступивший от имени писателей Михаил Шолохов говорил большей частью

XXIV съезд КПСС

о защите природы, не касаясь вопросов творчества. Таким же обобщенным было выступление главного редактора «Литературной газеты» Александра Маковского. После этих выступлений президент Академии Наук Грузии, академик Нико Мухелливи остроумно заметил: «Шолохов отшутился, а Маковский отболтался».

XXIV съезд был интересен выборами. Наверное, впервые за последние 30 лет довольно большое количество голосов «против» получили Михаил Сулов, Алексей Косыгин, другие члены Центрального комитета. Съезд торжественно завершился, однако существующие в международном коммунистическом движении трещины не исчезли. Наоборот, партии разных стран еще больше отмежевались от КПСС. На съезде Василия Мжаванадзе вновь избрали кандидатом в члены Политбюро. И еще одна деталь: в церемониал съезда входило фотографирование членов делегаций с руководителями партии и правительства. В назначенное время в Георгиевском зале собрали делегатов Грузии. Вместе с нами были делегаты из Азербайджана и Армении. В первом ряду, в центре, сидел Леонид Брежнев, рядом с ним Василий Мжаванадзе, Николай

Подгорный и т.д., первые секретари ЦК Азербайджана и Армении, другие члены Политбюро. Я стоял во втором ряду, прямо за Брежневым. Пока фотограф готовил аппарат, сидящие в первом ряду беседовали между собой. Вдруг Брежнев повернулся к Василию Мжаванадзе и сказал: думаю встретиться с делегацией (речь шла о какой-то иностранной делегации) сегодня, что ты скажешь? Мжаванадзе с достоинством (он был в хороших отношениях с первым лицом государства) согласился – это возможно. Брежнев продолжил: «Подгорный против», а потом обратился к сидящему после Мжаванадзе Подгорному: может, все-таки сегодня? Подгорный ответил холодно и сурово: «Нет, встретимся завтра». Они разговаривали громко, и мы все слышали. Всех удивил решительный отказ Подгорного от предложения Генерального секретаря, а Брежнев как будто ничего не заметил... Возможно, эту историю и не стоило вспоминать, но, думаю, она в определенной степени показывает тогдашние отношения между членами Политбюро.

Василий Мжаванадзе всегда держался достойно. Он вел заседания бюро степенно и спокойно, говорил негромко. В зале заседаний бюро стояла

удивительная тишина, все внимательно слушали, чтобы ничего не пропустить. Приехавшие из Москвы сотрудники союзного Центрального комитета были почтительны с ним. Я несколько раз присутствовал (Василий Павлович сам так захотел) при его телефонном разговоре с Брежневым и удивлялся, когда он обращался к Генеральному секретарю на «ты». При этом, когда Брежнев спросил: «А где ты был в субботу? Я звонил и не нашел тебя». Мжаванадзе спокойно и искренне ответил: «Я был в Кахети на охоте». Еще более доверительными были отношения Мжаванадзе с Андреем Кириленко... Но когда настало время кадровых изменений в Грузии (это было обусловлено различными факторами), добрые отношения остались позади: Василия Мжаванадзе освободили от должности довольно хладнокровно и даже цинично, именно в тот день, когда ему исполнилось 70 лет. Еще большим цинизмом было (возможно, мне так кажется), что перед освобождением его наградили Орденом Октябрьской Революции... Ничего не поделаешь, такова жизнь (освобождение и награждение произошло в один и тот же день).

«ТЫ ДОЛЖНА ХРАНИТЬ ЕГО УЧЕНИЕ!» – И Я ХРАНЮ»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

В феврале в Грузии и за ее пределами отметили столетие выдающегося театрального деятеля – режиссера Михаила Туманишвили. Думается, весь 2021 год пройдет под знаком этого важнейшего события. И наш сегодняшний гость – одна из наиболее преданных учениц Михаила Ивановича, режиссер, актриса, художественный руководитель Тбилисского международного фестиваля искусств имени Михаила Туманишвили «Gift» Кети Долидзе. Личность яркая, незаурядная, много сделавшая для увековечения памяти маэстро – и не только. Недавно она была награждена президентом Грузии Орденом царицы Тамары за особый личный вклад в развитие и популяризацию грузинского театра и кино. Накануне Международного дня театра Кети ответила на вопросы корреспондента «РК».

– Кети, театральный мир уже год в смятении из-за пандемии – театры у нас не работают, фестивали проводятся разве что в режиме онлайн. Как вы справляетесь с психологическими проблемами? Ведь в прошлом году вам пришлось отказаться от проведения столь любимого тбилисцами фестиваля «Gift».

– Я не впала в панику – в отличие от некоторых. Когда слышу от кого-то: «Как же так? Я не могу работать!», то считаю это лицемерием. Нельзя же не осознавать, что мы переживаем глобальную катастрофу! После Второй мировой войны такого масштаба катастрофы не было. Какая разница, как именно погибают люди? Слава Богу, ни-

чего не рушится! Но разрушаются человеческая психика, судьбы. Когда это началось, сыграла роль моя довольно мощная генетика. Родители мои были очень сильными людьми. Отец, режиссер, сценарист Сико Долидзе, обладал мягким характером, но при этом был человеком со стержнем. Иначе не перенес бы те катаклизмы, которые сотрясали его по жизни. А отец жил относительно долго... Так что я приняла нынешнюю ситуацию как данность. За этот год я ни разу не допустила мысли, что могу заболеть. Или заболеют близкие мне люди. А может быть, это испытание нужно было нам, людям театра, чтобы хотя бы оглянуться назад, оценить пройденный путь, осознать сделанное и несделанное?

– **И вы оглянулись...**

– Да! Меня ведь очень красиво сняли с должности ху-друка Театра киноактера. Эту интригу связал крючком человек, которого я считала очень близким. Ближайшая подруга детства, с которой мы вместе учились в вузе на факультете западноевропейских языков и которую я привела в театр на должность завлита. Она самодостаточная личность, великолепный переводчик. Но почему-то ей всегда хотелось быть Кети Долидзе. Вместе с другими моими недоброжелателями она давно хотела меня «уйти» из этого театра. И что в итоге получили? Четырехлетнее молчание театра, созданного Михаилом Туманишвили. Мертвые сезоны! Один-единственный спектакль, который они выпустили за эти годы, – «Мамаша Кураж» Брехта, поставленный для Нинели Чанкветадзе. Каким нечестным путем пришло в театр нынешнее руководство! За четыре дня до того, как все стало ясно, будущий худрук мило общался со мной и ни слова не сказал о своих намерениях...

При моей активности, при моем имидже напористого человека после кончины Туманишвили разве я не могла претендовать на то, чтобы стать очередным худруком? Тогдашний министр культуры Григол Вашадзе неделю меня умолял..., а я отказывалась. Хотя я

всегда в этом театре делала то, чем должен заниматься худрук. Сейчас пытаются переписать историю театра, созданного Туманишвили, и искажают многие факты. Я никогда не была амбициозной. Но кто привез в Грузию продвинутого греческого режиссера Михаила Мармариноса? Я! Меня познакомил с ним Ирина Дарчия. Здесь, в моей квартире, мы репетировали «Медею-материал» Хайнера Мюллера. Мармаринос сильно повлиял на грузинский театр, который стал развиваться совсем в другом направлении. Многие, особенно молодые, были под сильным впечатлением от его спектаклей «Медея-материал», «Национальный гимн». Сейчас в Грузии появилось много последователей Мармариноса. Но об этом никто не говорит! Я привезла из Англии режиссера Хиллари Вуд. Кому-то нравилось, кому-то – нет, но это была истинно английская театральная школа. Хиллари Вуд поставила в театре Марджанишвили спектакль «Антоний и Клеопатра» Шекспира. Позднее, уже на сцене театра Туманишвили, осуществила постановку спектакля «Камино Реал» Тенниси Уильямса. Хиллари Вуд – большой друг грузинского театра, в первую очередь, Театра киноактера, и всегда была близкой подругой и поклонницей Отара Мегвинетухуцеси и Гуранды Габуния. Думаю, «Камино Реал» нужно было сократить, Хиллари просто не успела это сделать. Но я бы, конечно, подкорректировала. Так вот, если сегодня посмотреть записи этого спектакля, то совершенно очевидно: некоторые актерские работы – это подлинные шедевры! Например, диалог Отара Мегвинетухуцеси и Нинели Чанкветадзе. Или три прекрасные роли Зураба Кипшидзе – особенно великолепно он делал лорда Байрона. А работы Рамаза Иоселиани, Зазы Микашавидзе, Мзии Арабули? Однако все новое после кончины Михаила Ивановича принималось в штыки. И мне приходилось чуть ли не насильно внедрять новое, приглашать режиссеров-экспериментаторов. Я знала, что после гениального Туманишвили в театр должен прийти такой же выда-

ющийся режиссер. К сожалению, Михаил Иванович оставил в этом театре актерское самоуправление, что впоследствии создало проблемы. Такого не произошло в театре Руставели, куда пришел жесткий, со своим творческим индивидуализмом Роберт Стура. А мой письменный стол последние пять лет жизни Туманишвили был полон копиями посланий, которые Михаил Иванович передавал мне. Ему писали о том, что Кети Долидзе погубит Театр киноактера. Почему? Да потому что Туманишвили, дескать, не хочет закончить «Вишневый сад». Я могла когда-нибудь осмелиться сказать Михаилу Ивановичу, что ему ставить, а что нет? Это было абсолютно исключено: Туманишвили никто никогда не заставил бы что-то делать или не делать. Михаил Иванович ставил спектакль «Вишневый сад» о себе самом. То есть – о несчастном Гаеве. Я была Раневская – выглядела, кстати великолепно, была худой. Пока в театр не пришла актерская группа, в которой была Нинели Чанкветадзе, я все время играла. Миша – как, кстати, и Темур Чхеидзе – считал меня талантливой актрисой. А когда пришла новая группа актеров, она нас просто остановила. У Миши из-

менились предпочтения! Хотя до этого я играла в спектаклях «Кровавая свадьба», «Двери хлопают». Много играла! Но актерство не стало основным направлением в моей жизни.

Иногда говорят, что пьеса «Отелло» – о ревности. Это не так. Категорически! Это пьеса о зависти, и часто именно это чувство движет людьми. То, что нынешнее руководство сделало сегодня с театром Туманишвили, непростительно. Они разрушили театр. И главную роль в этом сыграл человек, которого я привела в театр. Будучи худруком я приглашала разных режиссеров, потому что знала: для них нет авторитетов. Я думала о том, что нужно вливать в театр новую струю, свежую кровь. Потому и привлекала диаметрально разных художников! Кроме Мармариноса, пригласила поставить «Скотный двор» Оруэлла известного британца Гая Мастерсона. Но кого бы я ни приглашала, сразу начиналась жесткая критика и воспоминания о Мише... Хотя Михаил Иванович всегда был приверженцем живого театрального процесса! А сколько раз я вывозила театр! Еще в 1988 году у меня гостил ближайший друг, основатель и директор театральной и коме-

Кети Долидзе с Сергеем Параджановым и Питером Бруком

Портрет М. Туманишвили
с дарственной надписью

дийной компании Assembly, одного из крупнейших операторов места проведения фестиваля в Эдинбурге Fringe, крупнейшего в мире фестиваля искусств William Burdett-Coutts. Вот кто вывез наш театр, вот благодаря кому Театр киноактера объездил весь мир: это французский театральный деятель, режиссер, переводчик, художественный руководитель театра-фестиваля Бобиньи Патрик Сомье, William Burdett-Coutts, директор фестивалей в Амстердаме и Гронингене Вим Виссер. Вот кто обеспечил фантастические гастроли театра Туманишвили! И еще, конечно, великий Питер Брук, посмотревший «Дон-Жуана» и пославший депешу, которая была расклеена по всему Эдинбургу: «Если хотите увидеть настоящего мольеровского «Дон-Жуана», езжайте в Грузию и посмотрите. Это самая лучшая версия!» Потом Питер Брук пригласил нас в Париж. И, кстати, именно я умолила его пойти к Резо Габриадзе, потому что Брук не любит марионеток. Говорила ему: посмотрите, и вы сойдете с ума! И он, правда, сошел с ума. После чего и началась эта великая дружба между

Резо Габриадзе и Питером Бруком. Мы сделали тот сезон вместе, точнее, это сделал Патрик Сомье: в Бобиньи мы повезли «Дон-Жуана» и Театр Резо Габриадзе. Вот как это было, и я никому не позволю приписывать это себе. У меня – в отличие от других – такие вещи получались всегда. Конечно, часто за счет моих нервов. В 1997 году, когда умер Туманишвили, я хотела уйти из театра. Но меня отговорил Резо Чхеидзе, сказал: «Ты должна хранить его учение!» И я храню...

На мои спектакли нет ни одной критической рецензии. Во всех, кстати, занята Нинели Чанкветадзе. Она получила от самых лучших критиков Эдинбургского фестиваля замечательные публикации, оценки, отклики на спектакли «Свободная пара» и особенно – «Трамвай «Желание», где она сыграла главные роли. Писали, что такого Тенниси Уильямса «мы не видели никогда». Возносили и меня, и Нинели, и остальных актеров. И это можно было затоптать и забыть?

Неужели нельзя было вызвать специальную службу и к 100-летию Михаила Туманишвили элементарно помыть его памятник? Или привести его в порядок самим – как и вход в театр? И напечатать один-единственный баннер с фотографией режиссера «Туманишвили 100»? Сам Миша ведь был большой выдумщик, даже с масками можно было что-то придумать. Но что было ожидать? Театр мертвый, они убили этот театр! Для Михаила Туманишвили самой главной любовью были репетиция и театр. Никого и ничего Михаил Иванович не любил больше, чем театр и репетицию! Кто бы что сегодня ни говорил. А экспертом по его творчеству была Натела Урушадзе. Сегодня нет ни ее, ни Васо Кикнадзе. Никого нет... Я выпускала работы Михаила Туманишвили. То, что он сам говорит о себе, своей жизни, творчестве, методике. Благодаря бизнесмену Бадри Патаркацишвили издан уникальный трехтомник наследия Туманишвили. Я сама никогда не буду писать исследования о творчестве Туманишвили. В своей автобиографической кни-

ге я объясню ему в любви и просто по фактам опишу, как родился наш театр. Когда человек ушел, серьезного исследования не может быть, потому что нет его самого, нет его спектаклей. Обширные труды по рецензиям – это не рассказ о живом театре Туманишвили. А спектакль «Свиньи Бакулы», который сохраняется в репертуаре Театра киноактера, я бы играть запретила. Сегодня это не спектакль Туманишвили. Потому что он поставил добрый, мягкий спектакль о несчастных героях Давида Квдиашвили. Они жили в своем кошмаре тихо, не орали. Спектакль сегодня превращен в... хамство. Актеры кричат! И ничего не осталось от того кружевного спектакля, который с любовью сплел Туманишвили. Я уже не говорю о спектакле «Наш городок» Торнтон Уайл-

С Резо Чхеидзе

дера. Я его просто не смотрю! Это тоже музей, в котором уже десятая пара играет юношу и девушку. Они ничего не соображают – нет режиссера, который их вел бы. Михаил Туманишвили поручил артисту Зазе Микашвидзе следить за спектаклем, но он не может вводить актеров – ведь он не режиссер. И это видно на сцене! Старые актеры еще играют то, что помнят, а вот молодые...

Мне хочется напомнить еще один момент. Театра киноактера, возможно, не было бы вообще, если бы я в свое время не придумала один трюк. Я взяла огромную афишу нашего дипломного спектакля «Именем «Молодой гвардии», подписала его: «Господин Эдуард, без нашего маэстро мы жить не

можем. Пожалуйста, приходите, посмотрите наш спектакль!» Благодаря моему отцу Сико Долидзе и только ему я попала на прием к секретарю ЦК Виктории Сирадзе. Передала афишу – в итоге Вика Сирадзе пришла на спектакль, посмотрела – и сошла с ума от восторга!.. Немного предыстории. Над дипломным спектаклем мы работали втайне от Туманишвили. Репетировали ночами, с трех до семи утра, а потом шли на лекции. И Миша так до самого конца ничего и не узнал, пока мы не показали ему наш полуфабрикат. И Туманишвили завершил работу над спектаклем... После Вики Сирадзе «Именем «Молодой гвардии» увидел Эдуард Шеварднадзе – и за пять минут было решено: театру быть! Кто это сделал, если не я? Конечно, прежде всего потому, что был Михаил Иванович Туманишвили, который на целых семь лет остался без театра после ухода из Руставели. Нас было семь учредителей Театра киноактера, среди них – я. И существовал неписанный закон: как бы ни складывались обстоятельства, эти семь человек должны оставаться в штате театра. Конечно, если не захотят уйти сами... В моем случае неписанный закон был нарушен. И что мы имеем сегодня? Театр переживает даже не стагнацию, ситуация гораздо серьезнее...

Кети Долидзе

С Католикосом-Патриархом Всея Грузии Илией II

Когда меня сняли, режиссер и художник Дмитрий Крымов мне написал, что даже в этом я повторила судьбу своего учителя, вынужденного однажды покинуть театр Руставели. Я стала внештатным режиссером, что может быть хуже? Большого унижения и представить себе невозможно!

– Пандемия заставила некоторых делать невеселые прогнозы в отношении перспектив театра вообще. Или искать новые формы его существования – например, театр онлайн...

– Даже после страшной чумы времен средневековья не умер театр – не умрет и сейчас. Онлайн? Никогда в жизни. Ни одного спектакля я не посмотрела онлайн за период пандемии, хотя у меня не раз была такая возможность. Можно посмотреть запись какого-нибудь старого спектакля, на который я никогда не смогла бы попасть. Или чтобы увидеть шедевр... Но без публики театра не может быть. Никакого онлайн... или, к примеру, уличного представления! Я ставлю спектакль в зале, для зрителя, сидящего в закрытом помещении, а потом механически переносу его в парк Ваке? Но это обман! Как там вообще можно что-нибудь играть?

– Но театр, как говорится, родился на площади.

– Это другой, площадной театр! Тогда делайте площадной театр – с масками и менестрелями. Как можно Чехова играть на улице? На протяжении веков существует коробка сцены. В свое время с площади убежали в «коробку»! А на открытом пространстве микрофоны нужны. Это другой вид искусства, который ничего общего не имеет с драматическим театром.

– Вас всегда привлекает новое. Как относитесь к постдраматическому театру, где главную роль играют свет, звук, мультимедиа...

– Это все равно искусственно. Француз Робер Лепаж закончил это, возведя в ранг совершенства. Но при этом он всегда занимал актеров экстра-класса. Почему Евгений Миронов сыграл у него всего Гамлета – практически всех персонажей трагедии? Потому что актер – главное для Лепаж. И не только для него, но и для американского режиссера Роберта Уилсона. Он создал театр, в котором актер – краска, элемент всего здания спектакля. Как для Параджанова, Софико была великолепным сочетанием цветов, красок, которыми он рисовал, иконой – как и все остальные. Она великолепно выполняла задачу режиссера, а играть ничего не играла. Понимала, что сидит в абсолютной раме. Как живая картина. Не зря Феллини

С Гурандой Габуния

считал Параджанова прежде всего художником. Потому что это был действительно гениальный художник, коллажист. Серго создавал кинообразы, но в кадре у него все статично, ничего не движется. При этом актеры у него были замечательные и блестяще выполняли ту задачу, которую Серго перед ними ставил. Но это не актерство в привычном понимании слова.

Возвращаясь к Уилсону. Он посадил Миронова на ветку в «Сказках Пушкина» и три с половиной часа не позволил ему даже шевельнуться. Но каждый день этого не сделаешь. Так что и Лепаж, и Уилсон использовали актера абсолютно как краску.

– **Гениям это позволительно.**

– Иногда молодые подражают такой эстетике, но это обычно кончается крахом. Потому что ни Лепаж, ни Уилсона нельзя повторить. Это невозможно! Такой театр родился и умрет вместе с ними. Последователей у этих режиссеров быть не может. Вернее, может, но это будет очень плохо. В театре главный человек все равно артист. Как говорил Туманишвили, театр – это маленький коврик на площадке и актер!

– **Кто-то считает, что драматический и постдраматиче-**

ский театры могут существовать параллельно.

– Театров в мире – миллионы! Театр тем и великолепен, что развивается во всех направлениях. Но мне повезло в том, что гениальный Туманишвили научил меня работать с человеком. С актерами. Уйду из жизни так, что для меня все равно главной фигурой в театре будет актер. И то, что я вместе с ним слеплю. Именно это мне интересно. Другое меня не очень привлекает. Хотя бы потому, что перепрыгнуть сегодня Лепажу, Уилсону, Роберта Стуруа

С польским режиссером Кшиштофом Варликовским

невозможно. У меня никогда не было желания подражать, к примеру, Робику. Хотя недавно я ему сказала: «Как ты познакомил грузинский театр с миром и мир с грузинским театром, продвинул его на 20 лет вперед, так же минимум на 20 лет обрек грузинский театр на молчание. Остановил его развитие!». «Почему?» – удивился Стуруа. «Да потому что все хотят быть Робиками! – ответила я. – Оглянись вокруг. Посмотри, сколько после твоих «Ричарда» и «Кавказского мелового круга» родилось «робиков-бобиков». Но это не твоя вина!» Туманишвили потому и является величайшим событием в мире искусства, что за свою жизнь создал, по сути, три разных театра. И каждый раз создавал качественно новый театр. Первый – когда поставил «Люди, будьте бдительны!» по Ю. Фучику, второй – когда появился гениальный спектакль «Чинчрака» Г. Нахуцришвили. Его руставелевская эпопея завершилась шедевром – «Антигоной» Ж. Ануя. Как говорил Анатолий Эфрос, это подобно тому, как Святослав Рихтер в его спектакле играл бы Шуберта. Такой был уровень! Этим совершенством он закончил руставелевский период. Как будто невозможно было себе представить, что Серго Закаридзе с его физикой, коренастым телосложением сможет сыграть царя. Но каким он был аристократом! Когда мы проходили с

С композиторами Гоги Члаидзе и Ленсо Торадзе

Наной Квасхвадзе режиссерскую практику, то по очереди дежурили на этих спектаклях. Когда я стояла в кулисах, на одной ладони у меня лежал нитроглицерин, на другой – валидол. И когда Серго Закариадзе после сорокаминутной сцены выходил в кулисы, я знала, как прошла сцена. Если он пил валидол – значит, не был собой доволен, нитроглицерин – значит, отдал себя полностью. Невозможно описать, что они вытворяли с Зинаидой Кверенчиладзе в «Антигоне»! На этом совершенстве Туманишвили завершил второй этап своего творчества. И в 60 лет он создал качественно новый театр – киноактера. Его «Дон-Жуан», «Сон в летнюю ночь» и другие спектакли позднего периода не имели ничего общего с предыдущими. Это бурлеск!

– Планируется ли в этом году проведение Международного фестиваля искусств имени Михаила Туманишвили «Сачукари»?

– Пандемия закончится однажды – и как будто ее никогда не было. Говорят, это произойдет в конце марта. Но пока ничего не могу планировать. Ищу форму фестиваля. В 2020 году я сама отказалась от его проведения в пользу государства. Сказала, что не имею никакого морального права проводить фестиваль. В этом году проведу

обязательно, но как это будет? Может быть, организую серию мастер-классов выдающихся режиссеров. Кстати, когда я стала художественным руководителем Театра киноактера, первой моей задачей было осуществить проект «Ученики Туманишвили – театру Туманишвили». Кроме Гоги Кавтарадзе, тогда никто не отозвался... В период пандемии я читала новые пьесы на русском и английском языках – ничего не могла выбрать... Классику знаю наизусть. Скандинавская драматургия не моя. Не могу работать даже с великими скандинавскими авторами. Что касается русской драматургии, то, к примеру, Михаил Иванович считал, что Чехов не для грузинского театра. Кроме «Вишневого сада», который еще можно поставить на грузинском языке. Как можно представить троих грузин, которые тихо сидят и долго молчат, держат паузу? А потом один из них говорит: «Тихий ангел пролетел...»?

Но Чехова я обожаю. Однажды заставила Михаила Ивановича поменять взгляд на Раневскую. Сказала, что согласна ее играть, если Раневская будет очаровательная, но очень большая стерва. Как это? Потому что она стерва, жестокий человек. Из-за Раневской продают сад, она обрекает на нищенское существование своего несчастного брата Гаева, приемная дочь Варя вынуждена смириться с участью домоправительницы, практически служанки в чужом доме, не лучше судьба младшей дочери Ани... Мало ли, что Раневская очаровательная и оплакивает вишневый сад? Она просто поверхностный человек. Страдает по саду, а потом все у нее проходит в секунду. И практически вся семья оказывается по ее вине на улице. И она очаровательная?

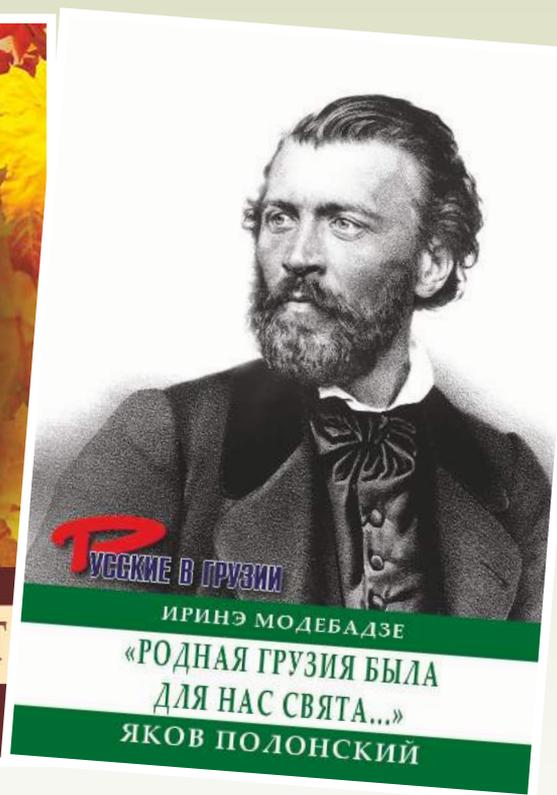
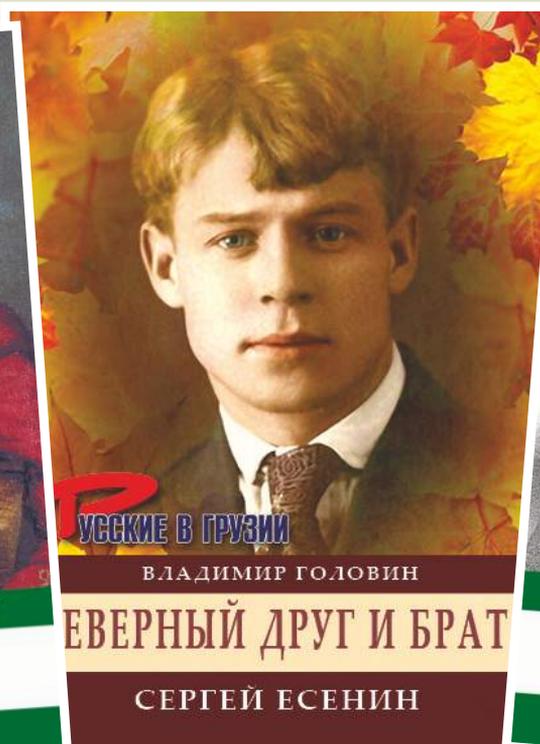
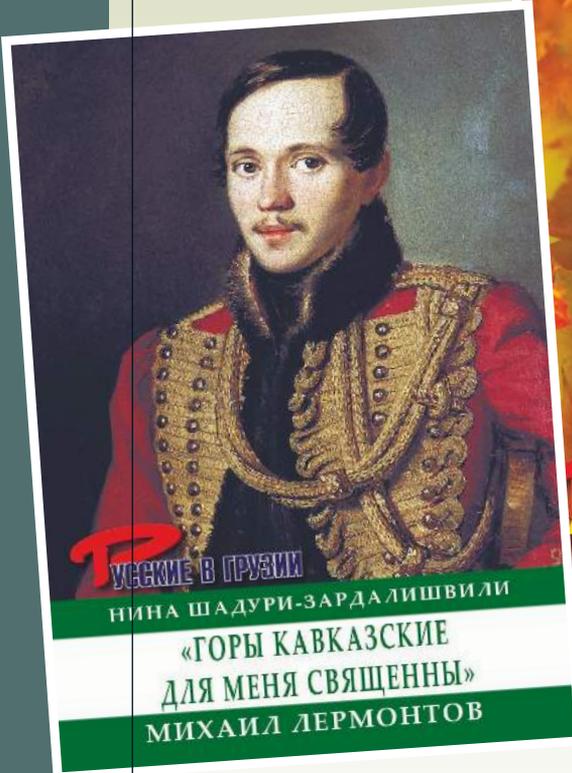
– Михаил Иванович соглашался с вашей трактовкой образа Раневской?

– Михаил Иванович со мной не совсем соглашался. Но потом сказал: посмотрим. Ведь то, что я говорю о Раневской, не исключает ее очарования. Чехов – беспощадный писатель. И это надо уметь вычитать, что су-

мел гениально сделать в своем «Механическом пианино» Никита Михалков. Не надо делать из Чехова «кисейного» писателя. Читайте его рассказы! Он умер в 44 года, с 19 лет у него была чахотка, которая тоже влияла на его довольно пессимистическое мировидение. Такие больные каждую секунду думают о смерти. Но Чехов гениален! И я не могу не перечитывать его. Хотя бы в месяц раз прочту что-то, удовлетворюсь – и дальше живу. Я ставлю Чехова рядом с Шекспиром. Для меня в драматургии две величины: Шекспир и Чехов. И отдельно в литературе – Пушкин и Важа-Пшавела, неземные создания, просто Моцарты! Воплощение Бога на земле. Ни умом понять, ни шестым чувством. Эти три величины стоят рядом: Моцарт, Пушкин, Важа-Пшавела. Все непередаваемые и непостижимые. Очень хотел Пастернак переводить Важа-Пшавела и Галактиона – ничего не получилось. А Иосиф Бродский сказал, что это просто непередаваемо!

В материале использованы фотографии Юрия Мечитова

ОНИ ТВОРИЛИ В ГРУЗИИ

■ Соб. инф.

2020-й год уже вошел в историю как год тяжелых испытаний, горьких потерь. А еще – нового, доселе неведомого, образа жизни. Мы на собственном опыте узнали, что такое карантин и изоляция: работа на «удаленке», полное отсутствие транспортного сообщения, комендантский час, закрытые театры, музеи, библиотеки, концертные залы, кинотеатры, необходимость соблюдения дистанции при общении...

Увы, в этих невыносимых для нормальной деятельности условиях многие культурные учреждения просто-напросто законсервировали свою работу. Но только не «Русский клуб». Во время локдауна Союз не только продолжал работать, но и выдал своего рода рекорд – 10 новых книг из знаменитой серии «Русские в Грузии»!

Напомним, что первые четыре книги серии вышли в свет в 2014 году – при поддержке Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы были

выпущены издания, посвященные поэту Борису Пастернаку, актерам Грибоедовского театра Наталье Бурмистровой и Борису Казинцу, основателю Батумского ботанического сада, ученому Андрею Краснову. На сегодняшний день «Русским клубом» издано 46 книг, и серия по-прежнему не имеет ни аналогов, ни прецедентов, она все так же – первая и единственная.

Героями новых книг стали десять выдающихся деятелей театра, литературы и спорта, чья жизнь в той или иной степени связана с нашей страной. Среди них есть и те, кто родился в Грузии, и те, кто когда-то приехал сюда и остался навсегда, и те, кто бывал наездами, но увез Грузию в своем сердце...

Шесть книг посвящены артистам театра имени А.С. Грибоедова – ушедшим и ныне здравствующим. И это неслучайно – таким образом «Русский клуб» поздравил старейший на постсоветском пространстве русский театр со знаменательной датой – 175-летием. Увы, в 2020 году Грибоедовский лишился возможности отпраздновать

свой юбилей так, как задумывалось, – мы ждали гостей из 47 стран, готовили большую премьеру и торжественный вечер, шла подготовка к проведению II Конгресса русских театров зарубежья... Этого не случилось. Наверное, тем ценнее этот подарок «Русского клуба» – новые издания о выдающихся грибоедовцах.

Книга Ирины Владиславской «Благородный романтик» посвящена Анатолию Смиранину (1892-1971) – актеру, режиссеру, Народному артисту Грузии, кавалеру ордена «Знак Почета». На протяжении 35-ти лет, с 1936-го по 1971 год, до конца своих дней, А. Смиранин служил в Театре имени А.С. Грибоедова, был ведущим актером, ставил спектакли. Снимался в кино. Играл главные роли в спектаклях Георгия Товстоногова. В 1961 году Роберт Стура, в дипломном спектакле «Сокровище» которого был занят Анатолий Дмитриевич, написал ему открытку со словами восхищения и благодарности. В книге использованы воспоминания артиста, записанные его су-

пругой, заслуженной артисткой Грузии Еленой Пирумовой-Смираниной, которые были представлены сыном А.Д. Смиранина Анатолием Смираниным.

Издание «Диалог с залом» рассказывает о Народном артисте Грузии Мавре Пясецком (автор – Нина Шадури-Зардалишвили). Он родился 27 сентября 1910 года в Тифлисе и почти всю жизнь прожил в родном городе. С 1939 года до конца жизни играл и ставил в театре имени Грибоедова. Постоянно выступал на эстраде, был востребованным автором монологов для самых известных эстрадных артистов страны. Блестяще знал грузинский язык, переводил пьесы грузинских авторов. Успешно занимался журналистикой. В Тифлисе Пясецкий влюблялся, женился, дружил, здесь родились его дети, здесь к нему пришли успех, известность, звания и награды, здесь, 6 октября 1977 года окончились его дни... Книга посвящается 110-летию со дня рождения Мавра Пясецкого.

«Дарящая любовь» – так назвала свою книгу филолог, педагог Кетеван Цитаишвили. В ней она рассказала о своей знаменитой маме – заслуженной артистке Грузии Валентине Воиновой (1938-2014), прослужившей в Театре имени А.С. Грибоедова 53 года. Актрисой было создано множество ярких образов, о которых с восторгом вспоминают даже сейчас, спустя многие годы.

Филолог, журналист Инна Безирганова стала автором книги «Ковчег для всех», посвященной ведущему артисту Театра имени Грибоедова, режиссеру, поэту, художнику Валерию Харютченко. Выпускник Московского театрального училища им. М. С. Щепкина, он с 1971 года (уже полвека!) служит в Грибоедовском театре. Валерий Харютченко – кавалер Ордена Чести, Ордена Дружбы, Медали Пушкина, обладатель Золотого диплома XI Международного театрального форума «Золотой Витязь» за роль Холстомера в спектакле «Холстомер. История лошади» (реж. А. Варсимашвили). На пресс-конференции в Мультимедийном центре «Sputnik Грузия», посвященной новым изданиям серии «Русские в Грузии», И. Безирганова отметила: «Эта книга – соединение творческого портрета и автопортрета. Мое авторство здесь условно, огромное количество текста написано самим Валерием. Я бы назвала это художественно-документальной прозой. К тому же в книгу включены стихи и графические работы артиста.

Книга «Чудо самообладания», написанная Инной Безиргановой, приурочена к юбилею Народной артистки Грузии, педагога, режиссера Елены (Нелли) Килосанидзе.

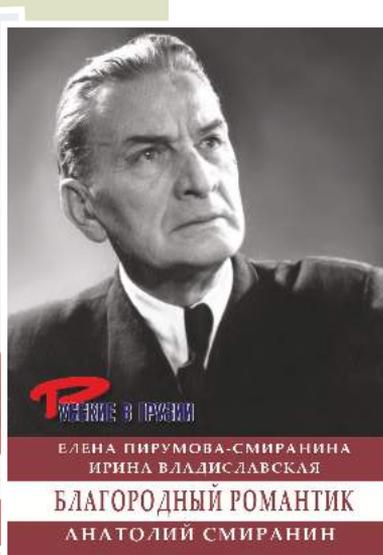
В 1957 году Елена Килосанидзе поступила в Московское театральное училище им. Б. Щукина, в 1959-м перевелась в

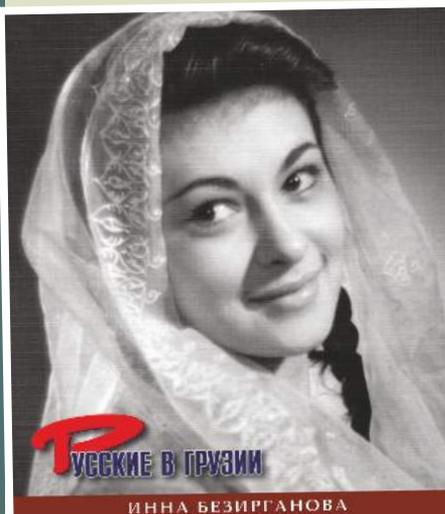
Грузинский театральный институт им. Ш. Руставели (мастерская Народного артиста СССР Акакия Хоравы). В 1962 году, еще студенткой, она была приглашена в театр им. А.С. Грибоедова на роль Кэтрин в пьесе «Вид с моста» А. Миллера в постановке Народного артиста СССР Михаила Туманишвили. С 1963-го по 1995 год Нелли Килосанидзе прослужила в Грибоедовском театре. В 1985-1993 гг. преподавала сценическую речь в Тбилисском театральном институте. С 1995 года живет и работает в Москве. В написании книги И. Безиргановой помогла дочь актрисы Елена Килосанидзе, которая в течение многих лет собирает материалы о маме.

Журналист Марина Мамацашвили посвятила свою книгу «Цель творчества – самоотдача» заслуженной артистке Грузии, кавалеру Пушкинской медали Людмиле Артемовой-Мгебришвили. Она родилась в г. Суворове Тульской области. Окончила среднюю школу с золотой медалью. Выпускница актерского факультета ВГИКа (мастерская Народного артиста СССР Бориса Бабочкина). В годы учебы была признана «Мисс ВГИК». В 2021 году исполняется полвека ее служению в Театре им. А. С. Грибоедова.

Героями четырех книг серии «Русские в Грузии» стали четверо великих деятелей культуры – три поэта и спортсмен.

Книгу «Родная Грузия была для нас свята» написала Иринэ

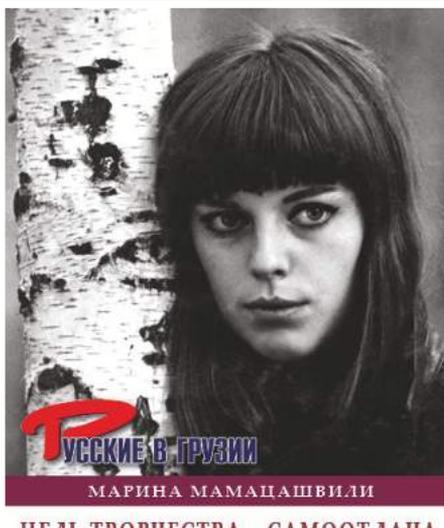

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ЧУДО САМООБЛАДАНИЯ

НЕЛЛИ КИЛОСАНИДЗЕ
(САГИШАШВИЛИ-ПОДГОРЕЦКАЯ)

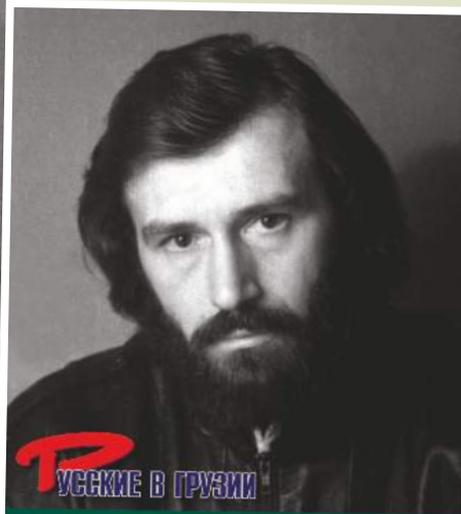

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

МАРИНА МАМАШАШВИЛИ

ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА - САМООТДАЧА

ЛЮДМИЛА АРТЕМОВА-
МГЕБРИШВИЛИ

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ИННА БЕЗИРГАНОВА

КОВЧЕГ ДЛЯ ВСЕХ

ВАЛЕРИЙ ХАРЮТЧЕНКО

Модебадзе, филолог, славист, переводчик. Издание рассказывает о пребывании в Грузии поэта и прозаика Якова Полонского (1819-1898). Полонский получил назначение в Тифлис в 1846 году, где пробыл до 1851-го, совмещая службу помощника канцелярии наместника М. Воронцова и помощника редактора газеты «Закавказский вестник». В газете Полонский публиковал свои сочинения: статистические данные о климате, населении, природных богатствах Кавказа, этнографические и художественные очерки, фельетоны и этнографические заметки, стихотворения, вошедшие в сборник «Сазандар», первую главу повести «Тифлиские ночи». Кавказскими впечатлениями навеяны лучшие стихи Якова Полонского, принесшие ему всероссийскую известность.

Нина Шадури-Зардалишвили написала книгу «Горы Кавказские для меня священны», посвященную пребыванию в Грузии и на Кавказе Михаила Лермонтова (1814-1841). Непосредственно в Грузии великий русский поэт провел чуть более полутора месяцев – вторую половину октября, весь ноябрь, и выехал в Россию в начале декабря 1837 года. Но каким поэтическим подарком стал для него этот край! Именно здесь наступила творческая зрелость поэта. Непроста зоркий и чут-

кий Виссарион Белинский писал о Лермонтове, что Кавказ сделался «его поэтической родиной, пламенно любимой им». В числе бессмертных творений, зародившихся во время путешествия Лермонтова по Грузии, Кавказу, – «Демон», «Мцыри», отчасти «Герой нашего времени», «Дары Терека», «Казачья колыбельная песня», «Спор», «Тамара», «Свиданье», «Кавказец», «Ашик-Кериб»... А еще – десятки рисунков и живописных полотен. «Если бы не бабушка... я бы охотно остался здесь», – писал Лермонтов из Грузии своему другу Святославу Раевскому. И ему же: «Если ты поедешь на Кавказ, то... вернешься поэтом».

Книга «Северный друг и брат» журналиста и поэта Владимира Головина рассказывает о приездах в Грузию Сергея Есенина (1895-1925) и посвящена 125-летию со дня рождения великого поэта. Она познакомит читателей со временем, проведенным Есениным в Грузии (а он был в стране дважды), с людьми, составившими компанию поэту на грузинской земле. Хотя сам автор считает, что «Тбилиси в долгу перед Есениным, потому что мы даже не удосужились назвать улицу, на которой жил поэт, его именем. В долгу город Батуми, где он написал замечательные стихи, где была создана большая часть его персидских мотивов, о чем мно-

гие и не знают. В долгу я сам, потому что рос совсем недалеко от дома, где жил Есенин». Об этом Владимир Головин говорил на пресс-конференции в Мультимедийном центре «Sputnik Грузия».

«А вы тройным летать могли бы?» – так называется книга Нины Шадури-Зардалишвили о Викторе Санееве, легендарном легкоатлете, трехкратном олимпийском чемпионе в тройном прыжке (Мехико-1968, Мюнхен-1972, Монреаль-1976), серебряном призере Московской Олимпиады-1980, трехкратном мировом рекордсмене, двукратном чемпионе Европы, шестикратном чемпионе Европы в помещении, восьмикратном чемпионе СССР, Почетном гражданине Тбилиси, кавалере орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Книга издана в ознаменование 75-летия со дня рождения нашего великого соотечественника.

Союз «Русский клуб» благодарит за поддержку в издании серии Фонд «Русский мир», Россотрудничество, Департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы и Правительство Москвы и сообщает, что серия «Русские в Грузии» продолжается – к изданию уже готовятся новые книги.

ВСЕ ВПЕРЕДИ!

Так случилось, что почти все молодые артисты Грибоедовского театра вышли из одного «гнезда» – из театральной студии юного актера «Золотое крыльцо» под руководством заслуженной артистки Грузии Ирины Квицинадзе. За 10 лет своего существования «Золотое крыльцо» представило 28 спектаклей разных жанров по произведениям русской и зарубежной классики, а также по пьесам современных авторов. Общее количество воспитанников перевалило за 100. А первые выпускники студии, окончив Грузинский государственный университет театра и кино им. Ш. Руставели, стали актерами Театра им. А.С. Грибоедова. К их числу относится и наш юбиляр – артист Владимир Новосардов, которому 26 апреля исполняется 30 лет. Кстати, в 2021 году Владимир отмечает еще одну круглую дату – он служит в театре им. А.С. Грибоедова ровно пять лет.

За прошедшие годы молодой актер уже успел продемонстрировать свой широкий профессиональный диапазон – поработать с разными режиссерами

и сыграть в спектаклях разных жанров. Это «Ледяные картины» К. Смедса и «Чайка» А. Чехова в постановке Юри Юутинена (Финляндия), «Нахлебник» И. Тургенева и «Поздняя любовь» А. Островского в постановке Нугзара Лордкипанидзе. А как органичен Владимир в сказках! Это и «Конек-Горбунок», и «Рождественская сказка», и «Путешествие в страну чудес» (режиссер – Вахтанг Николава), и другие яркие постановки.

А еще он снялся в грузино-российском фильме «Сапожки» (режиссер – Елена Котихина) по одноименному рассказу Василия Шукшина, премьера которого состоялась в ноябре прошлого года в рамках II Международного фестиваля кино «Московская премьера».

Как видите, к своему 30-летию Владимир Новосардов подошел с серьезным актерским багажом.

30 лет – уже не начало. Но это и не середина творческого пути. А значит, самое интересное – впереди, и нас, зрителей, ждут большие открытия, которые нам подарит замечательный артист!

Кавказский музей в Тифлисе

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Поселок, где грузинская земля дала последний приют этому человеку, можно найти лишь на крупномасштабных картах. Место, где он родился, вообще исчезло с карт – оно не только переименовано, но и находится в совсем другой стране. Музей в центре Тбилиси, долгое время бывший своеобразным памятником ему, уже больше ста лет имеет иной облик. Но географы и натуралисты, этнографы и историки по всему миру помнят имя Густава Радде, родившегося 190 лет назад. Члена-корреспондента Петербургской Академии наук, обладателя Золотой Константиновской медали (высшей награды Императорского Русского географического общества). А еще – лауреата Демидовской премии (самой почетной неправительственной награды России) и Золотой медали королевы Виктории за выдающиеся заслуги в географических исследованиях (от

Королевского географического общества)...

Сын небогатого учителя гимназии Иоганна Радде, родившийся в 1831 году в немецком Данциге (сегодня – польский Гданьск), с малых лет любил природу и грезил заморскими научными экспедициями. Особенно манила экзотика Испании и Крыма. Полностью его зовут Густав Фердинанд Ричард, но в историю он вошел только под первым из этих трех имен, и мы будем называть его так же. Окончив реальную гимназию имени Святых Петра и Павла, он хочет поступить в университет, но на это денег в семье не хватает. И парню приходится идти учеником фармацевта в аптеку.

В свободное от составления порошков и микстур время он совершает отнюдь не праздные экскурсии по окрестностям – изучает и собирает различные растения. А потом (в основном

ночью) штудирует книги по ботанике и зоологии. В то время в Данциге явно было не так уж много юношей, делавших чучела птиц, трепетно корпевших над гербариями и коллекциями насекомых. Так что не мудрено понять, почему Густава, окрыленного тем, что он вступает в Городское общество естествоиспытателей, замечает знаменитый профессор-энтомолог Антон Менге. Он и руководит фармацевтическими работами юноши, снабжает книгами, помогающими познавать природу.

Не без помощи этого профессора 21-летний Густав обращается к российскому генеральному консулу в Данциге Александру Аделунгу с просьбой посодействовать путешествию в Крым. И дипломат дает ему не только паспорт, но и рекомендательное письмо к своему зятю, академику Петербургской академии наук, историку, географу и этнографу Петру

Данцинг. XIX век

Кеппену. Тот живет как раз на южном берегу Крыма. «Действительная жизнь на Родине была соткана из мелочей и не удовлетворяла меня. Страстное желание путешествовать все росло. Меня неудержимо влекло куда-то вдаль! Чем дальше, тем лучше, только бы освободиться от городской суеты и серенькой обыденной жизни», – признавался Радде впоследствии.

Он получает от Городского общества естествоиспытателей скромную дорожную стипендию, ее никак не хватает на весь неблизкий путь. И Густав отправляется в дорогу с обозом, идущим из Европы в Одессу. «... Признаюсь, шаг был рискованным: я не имел ни средств, ни обеспеченного положения, ни видов на таковое..., – писал он через годы. – Зато безгранична была моя любовь к природе, влияние ее красот на мою мечтательную душу и готовности к упорной борьбе со всякими препятствиями». Одним из препятствиями становится то, как Радде расплачивается за проезд в Россию.

Сейчас это назвали бы одним из видов бартера: путник оказывает хозяину обоза всевозможные бытовые услуги, даже чистит ему сапоги.

Из Данцига он выезжает весной 1852 года под мелодию духовной песни, звучащей с ко-

локольни ратуши: «Предоставь свое будущее и все, что тяготит твою душу, неизменным пожеланиям того, кто управляет миром». По словам Радде, эта мелодия звучала в его душе всю жизнь и «была верной и надежной путеводительницей». Наверное, именно слова этой песни помогают ему не комплексовать, когда в Одессе он является к швейцарскому консулу Оттону Тритену в экзотично-комическом одеянии: сшитый из одеяла белый плащ с лисьим воротником, огромные ботфорты, в руках – ягдташ и ружье.

К счастью, стремящегося к знаниям юношу встречают не по одежке. Вождь юг Российской империи одаривает его не только дивной природой, но и замечательными людьми, о которых он всю жизнь вспоминает с благодарностью. Консул Тритен бескорыстно помогает деньгами и дает рекомендательные письма к «нужным» людям. В Крыму доктор медицины, садовод и энтомолог Петр Кеппен вместе с основателем и первым директором знаменитого Никитского ботанического сада, почетным членом Петербургской Академии наук Христианом Стевенем становятся основными столпами поддержки в незнакомой стране.

А ведь рядом с молодым человеком не только люди в официальных вицмундирах. В

имени Тамань просвещенного помещика и общественного деятеля Иосифа Шатилова приезжий не только организует местный музей, выставив в нем свои многочисленные зоологические и ботанические коллекции. Он создает там еще и уникальное собрание образцов птиц Таврического полуострова. Часто останавливается Радде у другого помещика – Нестора Гротена, про которого современники говорят, что его «глубоко уважают все окрестные татары, а имение его выделяется отличным хозяйственным устройством». И тот спасает Густава, оказавшегося на грани смерти от малярии.

Молодой исследователь очарован природой Крыма. Получая деньги за работу гувернером у помещичьих детей, он исходит пешком степи и горы полуострова, ездит на побережье Азовского моря в Бердянск, на озеро Сиваш. Так накапливаются материалы для коллекций и научных публикаций о крымской флоре и фауне. Со всем этим он и отправляется в Санкт-Петербург, когда приходит сообщение из Императорского Русского географического общества (ИРГО). Одно из старейших в мире (после Парижского, Берлинского и Лондонского) объединений естествоиспытателей извещает, что Радде включен в состав Восточно-Сибирской экспедиции.

Густав Радде

Петр Кеппен

Рекомендуют его академик, зоолог, ботаник Федор Брандт и лейб-медик, один из лучших врачей столицы Егор Раух, знающие Густава со слов своих крымских коллег. А отчет ИРГО за 1858 год без обиняков сообщает: «Приглашением Г.Радде в состав экспедиции Совет Географического общества обязан почтенному академику П.И.Кеппену, которому принадлежит та главная заслуга, что он предугадал в молодом, неизвестном до того времени любителе природы талантливого наблюдателя, подающего самые блистательные надежды». В общем, в феврале 1855-го Радде отправляется на берега Невы, взяв для Петербургской Академии наук собранные на Крымском полуострове коллекции.

За 125 лет до этого Михаил Ломоносов отправился приобщаться к наукам в одном обозе, у Радде подобных обозов было несколько. Денег на неблизкий путь не хватает, как и три года назад на дорогу из Германии в Россию. И Густав не гнушается дармового проезда в попутных обозах, в мужицких санях, ночует, где придется. Как бы то ни было, до Санкт-Петербурга он добирается благополучно и, по рекомендации своего благодетеля Стевена, получает назначение в Восточно-Сибирскую экспедицию. Должность – рисовальщик и коллектор в мате-

матическом отделе экспедиции, которым руководит астроном Людвиг Шварц.

Не будем удивляться тому, что натуралист назначается колллектором. В те годы так именуется «собиратель и хранитель ботанических и зоологических коллекций в научных организациях и образовательных учреждениях, зоопарков, ботанических садов и музеев». Когда секретарь Географического общества обсуждает с Радде условия и оплату предстоящей работы, тот говорит: «Дайте мне... серую солдатскую шинель, ежедневный солдатский паек и пошлите туда, куда другие не хотят идти, чем дальше, тем лучше!» И это не рисовка. Видный зоолог и путешественник Эдурд Эверсманн, видевший молодого ученого, что называется, в деле, засвидетельствовал: «Радде кажется созданным для того, чтобы гоняться по таким диким местам; он довольствуется малым и у него здоровое тело и веселый дух».

В общем, в апреле 1855-го, получив довольно скромный оклад, Густав выезжает в Иркутск. Он счастлив: среди его спутников – звезды биогеографии. Это неперемный (в смысле – постоянный) секретарь Петербургской академии наук, основоположник мерзлотоведения Александр Миддендорф и академик Карл Максимович, положивший начало изучению русскими учеными флоры Дальнего Востока. В путешествии по этому краю, Забайкалью и Приамурию, Радде проводит пять лет.

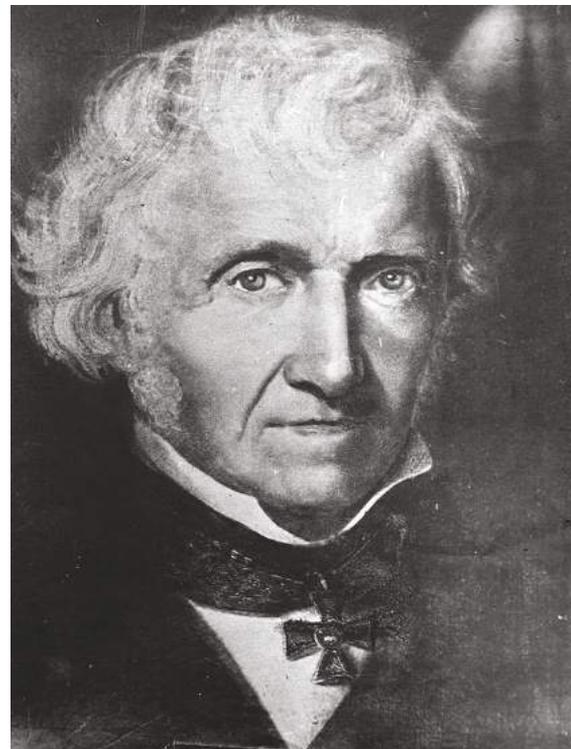
Начинает он с исследования окрестностей Иркутска, объезжает на рыбацкой лодке Байкал. Ему предписано изучить состояние промысла знаменитого омуля, уже в те годы вызывавшего озабоченность специалистов. И Радде констатирует: «Несмотря на ограничительные законы, тут господствовало возмутительное хищничество. Не знаю, имела ли какие-либо последствия докладная записка, поданная мною начальству в Иркутске, но если не последствуют целесообразные ограничения ловли омуля... то и здесь будет окончательно истощено великое природное богатство. Примеров такого не-

разумного расхищения даров природы имеется немало в России». Увы, и сегодня это звучит актуально...

Конечно же, проблемами омуля исследователь не ограничивается. Он ежедневно причаливает к берегу и собирает множество ботанических и зоологических материалов. А в поисках уникальной кроваво-красной форели, описанной еще за век до него, он пытается дойти до озера Фролиха на северном побережье Байкала. Но сильно простуживается, чуть не погибает и лишь осенью добирается до Иркутска. Всю зиму обрабатывает собранные материалы, а ранней весной 1856-го отправляется в новое путешествие – в Забайкалье.

Там Радде находит и описывает несколько неизвестных науке видов животных (!), восходит на оголенную скалистую вершину Сохондо высотой в 2.500 метров, поднимающуюся выше зоны альпийских лугов. Вернувшись в Иркутск только в январе 1857-го, он узнает, что, высоко оценив его научные отчеты, Географическое общество предоставляет ему права самостоятельного исследователя. И в качестве такового, уже в мае затевает очередную экспедицию – на берега среднего течения Амура. Ведь тамошние

Христиан Стевен

Нестор Гротен

девственные леса богаты малоизвестными фауной и флорой.

Вместе с Радде отправляются три казака и тунгус – знатоки тамошних мест и отличные охотники. Поездка-то рискованная: права на этот регион предъявляет и Китай. Путешественник вооружается пистолной двустволкой, кремниевой винтовкой, финским ножом. Он снова не может отказать себе в экзотическом облачении: отделанная мехом куртка из замши, брюки из шкуры оленя, шапка из енотовидной собаки, кожаный жилет и обязательные высокие сапоги. В путь отправляются на большом плоту с построенной на нем жилой каютой и небольшими челноками для поездок на берег.

Сложный фарватер Амура путешественникам не мешает, а однажды даже спасает их – после сильнейшей ночной грозы плот уцелел лишь потому, что застрял на песчаной мели. Снявшись с нее, Радде со спутниками находят на левом берегу реки место для длительной стоянки: лес, богатый дичью и пушным зверьем, отличная рыбалка. Из бревен плота строят легкую жилую постройку, начинают заготовку продовольствия на зиму, с наступлением холодов оборудуют зимнюю стоянку. Сюда к путешественникам не только приезжают курьеры, но приходят местные жители, зауважавшие Густава Ивановича

Федор Брандт

ча за то, что тот рисует для них изображения их божков.

Здесь и настоящая научная база: Радде изучает собранное, готовит отчеты и ведет метеорологические наблюдения. Отсюда он плавает по Амуру, осматривает устье реки Уссури, отправляется в пешие походы для сбора биологического материала и охоты, наблюдения за жизнью тигров, описания новых видов птиц и создания акварельных зарисовок. А потом именно на этом месте он основывает... целое поселение. Происходит это после того, как в мае 1858 года в лагерь приезжает Николай Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири.

Он-то и просит Густава Ивановича основать по месту его стоянки казачью станицу. Уж кому-кому, а этому генералу не занимать опыта в создании здешних населенных пунктов. Он – основатель Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, цепи станиц и пикетов вдоль всего Амура. И Радде недалеко от своего жилья находит место для 24-х казацких семей. «Основанная мною станица, которую граф назвал моим именем, и которую казаки переименовали в Раддовку или в Раддину, стала скоро образцовой. Она одна из самых больших и цветущих по всему Амуру», – писал он позже.

Уже через 30 лет здесь было

более ста домов, работало телеграфное сообщение. Сейчас этот населенный пункт на левом берегу Амура называется без всяких вариаций, просто Радде. А в январе 1859 года его основатель отправляется оттуда в Иркутск и начинает готовиться к исследованию малоизученной восточной части Саянских гор. Там он описывает окрестности рек Иркут, Ока и знаменитого графитового прииска Жан-Пьера Алибера. После двух неудачных попыток он все-таки покоряет впервые в истории Мунку Сардык, высочайшую (3.491 метр) вершину Саян.

Об этой завершающей части своих экспедиций он писал: «Мое путешествие было, собственно говоря, закончено, но страсть путешествовать еще не остыла... взгляды мои были направлены теперь на запад, к области восточных истоков Енисея с Саянами и Тункинскими Аль-

Г. Радде в Восточной Сибири

Село Радде сегодня

пами, в особенности же к исполинской горе Мунку-Сардык, водоразделу между реками, питающими Байкал и Енисей. Эти области особенно интересовали меня. Географическое общество с готовностью согласилось на мое предложение».

Все собранное Густавом Ивановичем в Восточной Сибири, размещается в 39 (!) больших ящиках, привезенных в 1860 году в Санкт-Петербург. Количество адреналина, добавленного в кровь многочисленными похождениями, не измерить. Еще один знаменательный итог этих экспедиций – в Иркутске он принимает российское подданство. В столице Радде назначается консерватором (говоря по-современному, хранителем, смотрителем) Зоологического музея Императорской Академии наук, приступает к обработке собранного материала. И при всем этом не будем забывать: триумфатору сибирских экспедиций еще нет тридцати лет.

Ну как в этом возрасте ограничиться лишь кабинетной работой! Радде не только выступает с лекциями о своих путешествиях, корпит над материалами, но и продолжает ездить в экспедиции. На этот раз – на юг страны. В Николаеве он помогает

академику Федору Брандту в работах с останками мастодонта, найденными на реке Ингул. Потом сопровождает академика Карла Бэра, изучающего причины обмеления Азовского моря. А затем наступает очередь официальной оценки его научной деятельности. Ведь помимо подробных отчетов Густав Иванович представляет впечатляющую коллекцию: 1760 позвоночных животных, в том числе около 400 млекопитающих, 1200 птиц, 200 амфибий и рыб, 50 тысяч насекомых и моллюсков!

За первый том описания путешествий по Сибири и Амурскому краю «Путешествия в Юго-Восточной Сибири, совершенного по поручению географического общества в 1855-1859 гг.» Дерптский университет избирает Радде своим почетным магистром, а Императорская Академия наук награждает своей самой престижной наградой – Демидовской премией, отметив: «Разыскания господина Радде настолько обогатили наше познание о юго-восточной Сибири, что еще на много лет сохранят в этом отношении существенную свою важность». За второй том этой работы «Птицы Восточной Сибири» автор получает степень док-

тора философии Бреславского университета.

А потом наступает основной период его биографии – жизнь и работа на Кавказе, в основном в Грузии. Там он будет ездить в экспедиции аж 35 лет. А начинается все после того, как заканчивается длительная война с лидером северо-кавказских горцев Шамилем. И на повестку дня ставится естественно-историческое изучение присоединенных земель. Там уже работают академические светила – один из основоположников геологического изучения Кавказа геолог Герман Абих и ботаник Франц Рупрехт. Присоединение к ним в качестве зоолога такого специалиста, как Радде, напрашивается само собой. А он только рад отправиться в регион, считающийся «по климату, растительному и животному миру самым разнообразным краем в России».

И в 1863-м, по рекомендации академика, крупнейшего физико-химика и метролога, основателя и директора Главной физической обсерватории Адольфа Купфера, он получает должность помощника директора Тифлисской магнитно-метеорологической обсерватории. Назначение связано с его работами по метеорологии. Но в Грузию ученый отправляется не сразу. Перед самым отъездом он венчается с Марией Брандт, дочерью академика, некогда рекомендовавшего его в Восточно-Сибирскую экспедицию, а потом – соратника по раскопкам мастодонта. И, следуя патриархальным бюргерским

Медаль Демидовской премии

Тифлисская магнитно-метеорологическая обсерватория

Адольф Берже

традициям, молодые отправляются сначала к родителям Радде в Данциг, а уж оттуда, через Берлин, Дрезден и Константинополь, в сентябре появляются в Тифлисе.

А там происходит то, чего в биографии Густава Ивановича больше не было ни разу – он не уживается со своим непосредственным начальником. За пять месяцев Радде рассорился с директором обсерватории астрономом Арнольдом Морицем и оказался на улице. Что послужило причиной этой размолвки, не ясно. Но известно, что Мориц на первое место в работе вверенного ему учреждения ставил астрономические исследования. Так что метеорология, заниматься которой прибыл Радде, могла оказаться для него делом второстепенным. По-

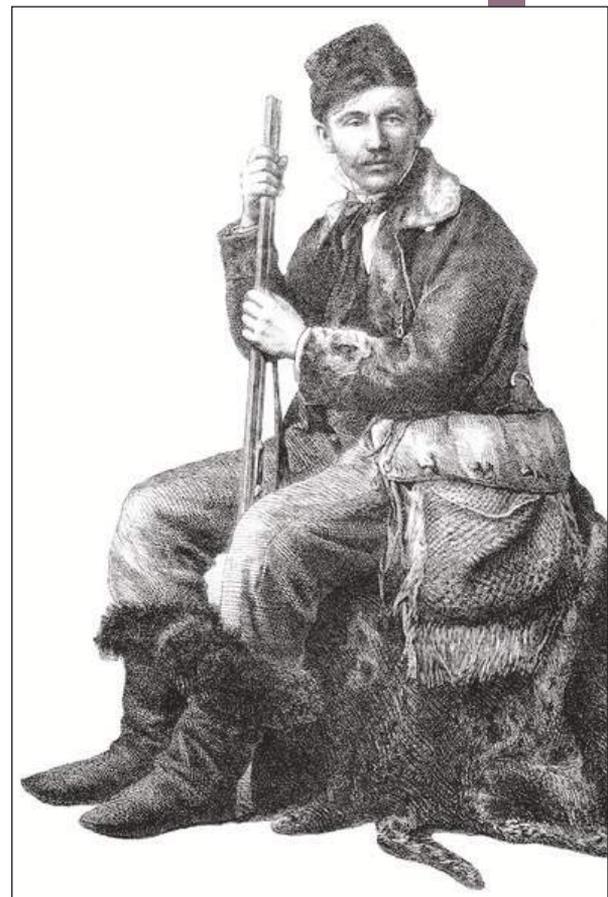
ложение у Густава Ивановича сложнейшее. Но на следующий день после ухода со службы к нему приходит человек, которого историки и биографы Радде называют его «ангелом-спасителем». Это – видный востоковед, председатель Кавказской археографической комиссии Адольф Берже, проработавший чиновником особых поручений при начальнике Гражданского управления во время правления аж пяти (!) Кавказских наместников. Для Радде, с которым он познакомился и подружился в Немецком клубе Тифлиса, он находит выход из неприятного положения. Опытный чиновник предлагает ученому составить план биолого-географических исследований в регионе и передать его начальнику Главного управления наместника барону Александру Николаи. А тот представит документ уже самому наместнику Кавказскому, великому князю Михаилу Романову. Так и происходит. Через месяц после представления плана исследований Берже приносит другу предписание совершать по Кавказу научные путешествия, за которые ежегодно будет выплачиваться немалое жалованье в 2.000 рублей.

И с легкой руки Берже, 33-летний натуралист и путешественник в 1864-м начинает 35-летние экспедиции по Кавказскому региону. Военный и государственный деятель, генерал-адъютант Павел Мищенко писал: «В течение этого, довольно продолжительного периода, им совершено огромное количество ученых экспедиций по

Кавказу, перечисление которых заняло бы много места. Можно кратко сказать, что он исходил весь Кавказ...». Ему вторит ботаник Владимир Липский, будущий президент Академии наук Украины: «Трудно было бы сказать, где он на Кавказе не был; путешествия его образуют густую сеть на Кавказе».

Свыше десятка длительных экспедиций совершает Радде по малоизученному тогда Кавказу и соседним регионам – к истокам Аракса и Евфрата, по практически всей Армении и многим местам Азербайджана, по Крыму и Черноморскому побережью. Добирается до северо-востока Турции, южного Прикаспия и даже за Каспийское море, а в южной Туркмении первым в истории исследует только что присоединенные территории. Но больше всего путешествий – по Грузии. Вместе с тезкой, энтомологом и геологом Сиверсом совершается трудная и опасная экспедиция в горную Аджарию. В течение нескольких лет исследуются Колхида и Абхазия, Сванетия и Хевсуретия, Тушетия и Пшавия, долины рек

Г. Радде в путешествиях по Кавказу

Гора Лайла. Сванетия. Рисунок Г. Радде

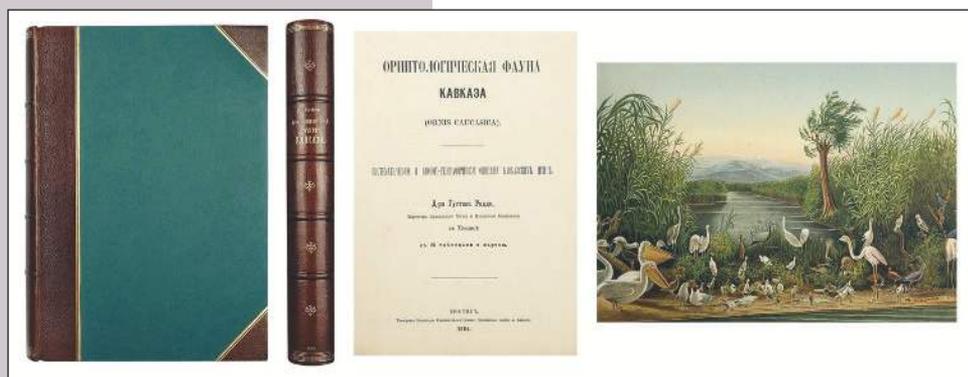
Риони, Цхенисцкали, Ингури, Кодори, верховья Куры. Проезжая из Тифлиса в Александрополь (Гюмри), изучает быт в дубоборских селениях Гореловка, Орловка, Еленовка. И не надо забывать, что все эти поездки не экскурсионные, именно на них основаны многие научные работы.

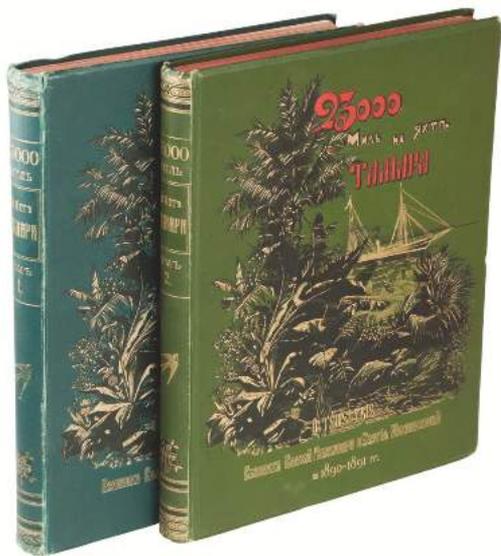
Среди них – и основополагающее исследование по биogeографии Кавказа «Орнитологическая фауна Кавказа: систематическое и биолого-географическое описание кавказских птиц», изданное в Тифлисе в 1884 году. Оно получает академическую Макариевскую премию – имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), созданную по его завещанию для «поощрения отечественных талантов, посвящающих себя делу науки и общепользных занятий...». А в знаменитом, красочном, 19-томном издании «Живописная Россия» Радде пишет 8 из 12 глав для девятого тома «Кавказ». Но, к сожалению, большая часть его работ печатается на немецком языке и в

России оказывается невостребованной темой, кого называют широкой научной общественностью.

Развернув бурную научную деятельность, Густав Иванович надолго отлучается из Тифлиса. Он совершает длительную экспедицию по Северному Кавказу и Дагестану, вернувшись с обстоятельными сведениями об истории и этнографии чеченцев. У него интересные командировки: участие в Международных съездах ботаников в Петербурге и Париже, обустройство кавказских отделов на Международных выставках в Вене, Москве и на Всемирной выстав-

ке в Париже, чтение лекций о Кавказе в городах Германии... Авторитет его настолько велик, что он несколько раз сопровождает сыновей наместника Кавказа, племянников Александра III, великих князей Александра Михайловича и Сергея Михайловича в путешествии на яхте «Тамара» в Индию, Индонезию, на Цейлон, по странам Средиземноморья. И оттуда тоже привозит интересные энтомологические материалы. А главным детищем Густава Ивановича становится, пожалуй, Кавказский естественно-исторический музей. Учреждение под таким названием, основанное по

Книга о путешествиях с великими князьями

предложению литератора Владимира Соллогуба, уже существовало в Тифлисе с 1852 по 1861 годы. Но его дирекция распалась, коллекции оказались бесхозными, терялись и портились. Проект нового Кавказского музея, предложенный Радде, царский наместник утверждает в 1865 году, а через пару лет – торжественное открытие. Музей объединяется с Тифлисской публичной библиотекой, созданной в 1846 году на базе Управления генерал-губернатора. Радде становится первым директором Кавказского музея, а на посту главы библиотеки принимает эстафету от своего друга Адольфа Берже.

Новое здание музея открывается для публики в 1871-м. Рядом с Радде в нем – помощник Павел Меллер, преподающий физику и космографию в Закавказском девичьем институте, и художник Франц Зимм, приглашенный из Германии писать для музея картины, изображающие природу и представителей национальностей Кавказа. А сам Радде в 1899-м подытожил, что за 30 лет его директорства в музее «скромное собрание предметов естественного происхождения и народного искусства разрослось в обширное учреждение, поддерживающее деятельные сношения с представителями науки отечественными и иностранными». В том же году он начинает издание 6-томного

Девятый том «Живописной России»

каталога коллекций музея, но до своей смерти от рака почек в 1903-м успел поработать над ним лишь четыре года.

Он заканчивает только первые три тома, посвященные зоологии, ботанике и геологии. Последний выходит в 1912-м. В нем – и незавершенная автобиография ученого, которую продолжил его друг-кавказовед, директор 1-й Тифлисской женской гимназии Карл Хан. Хоронят Радде «вдали от шума городского», в поселке Ликани под Боржоми. Там он сам наметил место на небольшой возвышенности среди соснового леса. И сам же составил себе эпитафию для простой могильной плиты. Она гласит: «Здесь покоится усталый Густав Иванович Радде. Смерть мне не страшна. Она сестра родная сна».

Он был действительным и почетным членом более 25 научных российских и иностранных обществ. Он первым стал использовать картографический метод в зоологических работах, был одним из пионеров непрерывных стационарных биологических исследований («от весны до весны»). Помимо села в Сибири, в его честь названы долины на Шпицбергене, пансионат в Дагестане, пристань на Амуре, месторождение цеолитов, ледник в Восточных Саянах. Его имя носят 5 видов животных и насекомых, около 70 видов рас-

Бюст Г. Радде в Национальном музее Грузии

тений.

Казалось бы, предостаточно оснований для того, чтобы обращаться к этому тайному советнику (гражданский чин, соответствующий чинам генерал-лейтенанта в армии и вице-адмирала во флоте) словами «Ваше превосходительство». Но он отвечал на такие обращения: «Меня зовут Густав Радде, и я сын школьного учителя».

С Роином Метревели

С Романом Хурдзе

С Тамазом Шилакадзе

С Георгием Квеситадзе

ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ: ДОБРО ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ

■ **Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Демико Лоладзе не нуждается в особом представлении. Эти имя и фамилию в Грузии знают все. Журналист, публицист, художник, выдающийся знаток футбола Демико Лоладзе – почетный гражданин Тбилиси, член Союза писателей, Союза художников, Союза журналистов, Ассоциации спортивных журналистов Грузии, кавалер многих орденов и медалей, лауреат множества премий, автор 77-ми книг о звездах грузинской культуры и спорта (55 из которых посвящены футболу), двух сборников о национальном герое Грузии Жиули Шартава, фотолетописи «Время и люди» – собрания фотографий из личного архива Д. Лоладзе и семейных архивов современников. Благоговая выход в свет альбома «Многообразие верности», Католикос-Патриарх всея Грузии Илия

II написал: «Демико Лоладзе собрал фотографии тех личностей, которые внесли большой вклад в историю недавнего прошлого нашей страны и чьи труды действительно должны быть сполна оценены потомками».

В 2016 году в ознаменование 80-летия со дня рождения великого футболиста Славы Метревели Союз «Русский клуб» издал книгу Демико Лоладзе «Слава Метревели. Футболист мечты» – уникальную энциклопедию жизненного и спортивного пути неподражаемого правого крайнего, чьим мастерством был покорен и восхищен весь мир. Презентация книги состоялась в Театре им. Грибоедова, и мы вспоминаем об этом, как об одном из самых ярких событий в истории «Русского клуба».

– Давайте начнем с самого начала. Расскажите о ваших родителях.

– Мой отец, Реваз Александрович Лоладзе, воевал на фронтах Великой Отечественной. Он был военврачом. Сражался под началом генерал-майора Николая Тариэловича Таварткиладзе. Дивизия под командованием Таварткиладзе в составе 21-й армии принимала участие в наступательных боевых действиях северо-западнее Сталинграда и первой вошла в город. С июля 1943 года дивизия участвовала в Курской битве. После войны отец работал по специальности. Мама, Тина Дмитриевна Канделаки, тоже врач, но ни одного дня врачом не проработала. Курьез, но она, стоматолог по образованию, не могла заставить себя прикоснуться к чужим зубам и всю жизнь трудилась в различных издательствах, как, кстати, и моя младшая сестра Нуношка. В мае маме исполнится 98 лет. Какая у нее память! Такие поразительные истории вспоминает – только успевай записывать!

Тина Канделаки и Реваз Лоладзе. 1940-е гг.

Прадедущка Дмитрий Иванович умер в 1953 году. До революции он был состоятельным человеком, магазины у него были. А во время революции, между прочим, он у себя Сталина прятал. Меня вырастила бабушка по отцовской линии, Нина Дмитриевна. Провожала в школу, встречала, кормила, проверяла уроки... Она великолепно знала французский язык, а я, дурак, так этим и не воспользовался – вместо того, чтобы заниматься с ней французским, убежал играть в футбол или стоять на «бирже» у кинотеатра «Октябрь» и шататься по улицам... Мы скромно жили, только на зарплату. Отца назначили заведующим медучреждениями Ленинского района. А вскоре он написал заявление и уволился по собственному желанию. На этой должности надо было брать и давать, а он не хотел, не умел, не мог. Честный был человек. Школьником я уже работал – в геодезическом отделе проектного института «Гипрогорстрой» на улице Кирова. Рабочим был, держал нивелир, когда геодезисты проводили свои измерения. Откладывал деньги, чтобы летом поехать в Уреки на свои средства, не просить у родителей. Отец со своими родителями и дедом жили на Плеханова, напротив кинотеатра «Комсомолец». В 1938 году этот дом снесли и предлагали им на выбор новую жилплощадь. От Ваке они отказались – зачем, мол, нам эта деревня? Ваке-то тогда был окраиной города. Сабуртало не существовало, а на том месте, где сейчас стоит Дворец спорта, была «толкучка». Кстати, мы были на такой же

«толкучке» в Ереване, и родители мне дали какую-то сумму – купи себе, что хочешь. И что я, шестиклассник, купил, как вы думаете? Фирменные открытки с изображениями Жерара Филиппа, Симоны Синьоре, Лолиты Торрес, Жана Маре, Жана Габена, Одри Хепберн, Джинны Лоллобриджи, Сильваны Пампанини... Эти открытки армянская диаспора из Франции присылала своим родственникам в Армении. Они у меня сохранились до сих пор. А еще я купил французские сигареты. Начал покуривать. И однажды попался – отец меня поймал. Ох, как я получил по физиономии! Этот удар я и сегодня помню. Но в тот самый день я завязал с сигаретами на всю оставшуюся жизнь. А что касается квартиры, то в конце концов прадеду предложили вариант на улице Клары Цеткин. И он согласился – потому что до Плеханова было рукой подать. Мы по-прежнему там живем, во втором этаже двухэтажного дома.

– В театр в детстве ходили?

– О! Я не пропускал ни одной премьеры! Театр мюзикомедии на Плеханова, Театр Санкультуры в Собаьем переулке – там, между прочим, начинали свою карьеру Отар Мегвинетухуцеси и Гуранда Габуня, Театр Руставели – до сих пор помню спектакль «Испанский священник» с Эроси Манджгаладзе и Рамазом Чхиквадзе. Театр Марджанишвили – ну, вообще, слов нет! А когда

я смотрел балет «Отелло» с Вахтангом Чабукиани, счастливей меня не было человека на белом свете. Достать билеты было невозможно. Конную милицию я впервые увидел в 1954 году, у стадиона «Динамо», на открытии футбольного сезона, а потом – у оперы, когда шел «Отелло». Не пропускал и спектакли гастролеров. Когда приехал театр Сатиры (конечно, это было значительно позже) – я был с ними все время, каждую минуту.

– А как обстояло дело с кино?

– В понедельник и четверг мы в школу не ходили, потому что в эти дни на экраны выходил новый фильм. И во время сеанса зачастую вдруг зажигался свет в зале, входил директор школы и уводил нас на уроки. Как мы смотрели кино? Заходим на 10-часовой сеанс. За пять минут до финала выходим в фойе, смешиваемся с публикой, а потом снова заходим в зал – на следующий сеанс. И так весь день. Бабушка меня ищет, с ума сходит, а я с утра до вечера сижу в кинотеатре, смотрю «Фанфан-Тюльпан». А Омар Шариф! Что творилось! Около кинотеатра постоянно дежурила «скорая помощь», потому что в одном из фильмов был эпизод, где девушка из-за несчастной любви режет себе вены. Многим в зале становилось плохо. А индийские фильмы? Радж Капур, Наргис! «Бродяга», «Господин 420»! Мы выросли на этих филь-

Бакуриани. Конец 1960-х

Перед началом исторической встречи в Дюссельдорфе

мах! Все песни наизусть знали! Фестиваль французских фильмов – хорошо помню «Монпарнас, 19» с Жераром Филиппом и Анук Эме. В Москву тогда приехали Жан Марэ и Милен де Монжо, а в Тбилиси – режиссер Жак Беккер, актрисы Паскаль Пети и Паскаль Одре. Я их видел.

– А кем мечтали стать?

– Я учился в музыкальной школе по классу фортепиано. Но через силу – родители заставляли. Я хотел стать футболистом. Очень хотел. Моим кумиром был Эдуард Стрельцов, самый лучший футболист Советского Союза. Правда, большой знаток футбола Гулбат Торадзе говорил, что сильнейший – это Всеволод Бобров. Сколько раз я перелезал через забор стадиона, чтобы попасть на игру! Мне было несложно – в моем дворе стоял турник, на котором я усердно тренировался. Помню, мы – 30 человек, ребята из одного района, – пошли записываться на футбол. Среди нас были ребята, которые отлично играли. Нас посмотрели и – приняли меня одного. Но, увы, у меня не хватило упорства, настойчивости для того, чтобы серьезно заниматься футболом. Помню, мной заинтересовался Виктор Панюков, выдающийся футболист и тренер, позвал меня

на «Динамо». На тренировке сказал ударить правой ногой, а я – левша, ударил левой. И он меня сразу выгнал. В общем, футболиста из меня не вышло. Но увлечение футболом осталось навсегда. Кстати, бабушка и отец были отчаянными болельщиками. В 1937 году в Тбилиси приехала сборная Басконии. Бабушка была на их игре с «Динамо» Тбилиси и рассказывала мне об этом. Наши тогда проиграли 0:2. Понимаете, я рос и каждый день слышал имена – Пайчадзе, Дорохов, Бердзенишвили... И я, уже в детстве, начал собирать материалы о футболе. Каждый день читал газеты «Лело», «Советский спорт», вырезал статьи и фотографии. Одна комната в моей квартире целиком заполнена футбольными архивными материалами – книги, папки, тысячи фотографий... Уникальный архив. Много материалов подарил Гулбат Торадзе. Дима Тухарели передал свой архив.

– Я и не знала, что профессор ТГУ Дмитрий Тухарели был болельщиком.

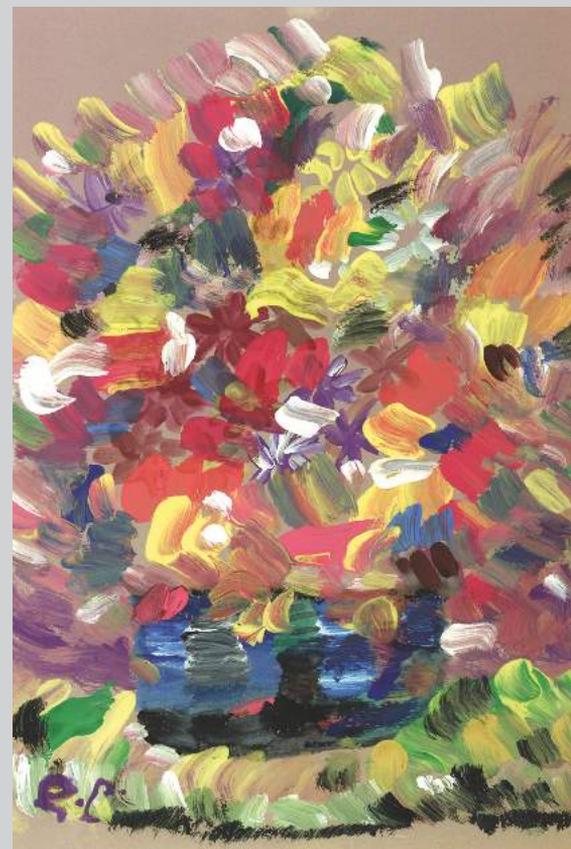
– О, он классно разбирался в футболе и даже писал о нем. Он, кстати, брат моего отца, так что я – его племянник.

– И все-таки, как сделали выбор после окончания школы?

– Мой дед по материнской линии, Дмитрий Иванович, был адвокатом. И я после окончания школы решил поступать на юридический. При этом поступил и в музыкальный техникум на дирижерское отделение – не отстали от меня мои домашние, заставили! Конкурс на юридический факультет был огромный, и Дима Тухарели посоветовал мне поступить на филологический, а потом перевестись. Я так и сделал. А вскоре понял, что куда переводиться не хочу. К тому времени у меня уже был фотоаппарат «Смена», и я всю фотографию снимал. Снимал всех, в том числе и лекторов – Георгия Ахвледиани, Варлама Топурия, Георгия Джигладзе, Лео Менабде, Элгуджу Хинтибидзе... А что, очень удобно – приходишь на экзамен, подаешь зачетку, а там – фотопортрет экзаменатора. «О, где это ты меня сфотографировал?

Как здорово!» – радостно удивляется он. И отметка в кармане! (смеется). Я шучу, конечно. Люди всегда понимают, поступаешь ли ты искренне или ради корысти. А я всю свою жизнь все делаю искренне. В университете Тенгиз Сулханишвили (впоследствии известный журналист и телеведущий – Н.Ш.) и Коля Дроздов, сын Кетеван Орахелашвили (журналист, доктор филологии, автор документальных фильмов, кавалер ордена Чести, лауреат Государственной премии Грузии – Н.Ш.) издавали студенческий журнал. Они писали замечательные тексты, а моя задача состояла в том, чтобы обеспечивать каждый номер иллюстрациями – фотографиями и фотоколлажами. Непростое было дело – никакого фотошопа не существовало, я все делал вручную. Очень интересный был журнал. Но потом кто-то стукнул куда надо, и нас прикрыли. Так вот, после первого курса Тухарели меня спрашивает: «Будешь переводиться на юридический?» – «Конечно, нет!», – ответил я. Как я учился? Легко! У меня был однокурсник Мурман Тавдишвили, хороший порядочный парень. Как-то раз

Демико Лоладзе.
«Перед восходом солнца»

я ему говорю: «Слушай, ну что тебе делать на лекциях? Пошли, в футбол сыграем, потом пива попьем». – «Нет, дорогой, – ответил Мурман. – Ты здесь всех знаешь, тебя все знают, все любят, ты можешь делать, что хочешь. А мне надо заниматься, иначе придется вернуться обратно в деревню. А я не хочу». И не пошел со мной. А недавно нам вручали премию имени Давида Агмашенебели. И я рассказал эту историю, завершив ее такими словами: «Я всю жизнь отлынивал, он – убивался. А сейчас и я получил премию, и он». Публика со стульев попадала от

С Отаром Мегвинетухцеси

смеха! В общем, я защитил диплом «Переводы произведений Бориса Пастернака грузинских поэтов», окончил университет, поступил в аспирантуру, сдал кандидатский минимум. А потом как-то заскучал над темой диссертации – «Партийная пресса». И бросил аспирантуру, о чем очень жалею. А еще раньше, в 1968 году, мы прослышали, что ЦК комсомола собирает в Бакуриани творческую молодежь. Кто только туда ни приехал! Самые интересные люди, самые известные артисты и режиссеры! Поехал и я. Со всеми перезнакомился, очень много снимал. И понял – мне нравится эта среда, приятно эта атмосфера. Вернулся в Тбилиси и думаю, комсомол, оказывается, интересные дела делает. И стал работать внештатником в горкоме комсомола. Меня назначили председателем лекторской группы. Я должен был организовывать проведение лекций в различных

организациях. А потом понял, что эти лекции ни лектору не нужны, ни публике. Тем более на общественных началах. Я стал секретарем комитета комсомола консерватории. Там было интересно. На очередной сбор в Бакуриани от консерватории были приглашены Сулхан Цинцадзе, Гулбат Торадзе, Евгений Мачавариани... Мы потрясающий День музыки провели в Бакуриани! Недавно дирижер Вахтанг Мачавариани, в то время он был студентом консерватории, написал, что «если бы не Демико, первого джазового концерта в Тбилиси не было бы». Это произошло в 1969 году. Но я допустил огромную ошибку – вывесил на улице афишу. И пошла волна! Все звонили в консерваторию и просили билеты! Даже завотделом ЦК позвонил. В общем, собралось такое количество зрителей, что они не только в Малом зале, но и в Большом бы не поместились. Концерт был сорван. А я сказал: «Этот концерт я все равно проведу». И через две недели мы провели концерт в Большом зале. Но того эффекта, который, я уверен, был бы в Малом зале, не было. Но все были

С Арчилом Гомиашвили

довольны. В консерватории я проработал полтора года, потом меня назначили инструктором в ЦК комсомола. Там я проработал лет пять, а затем, в течение 30-ти лет, работал в системе Министерства образования.

– Кого вы считаете своими главными учителями?

– То, что для меня сделал Дмитрий Тухарели, не сделал никто. Он, правда, лекций мне не читал, но был настоящим учителем. Многие лекторы мне хоро-

С Бидзиной Квернадзе

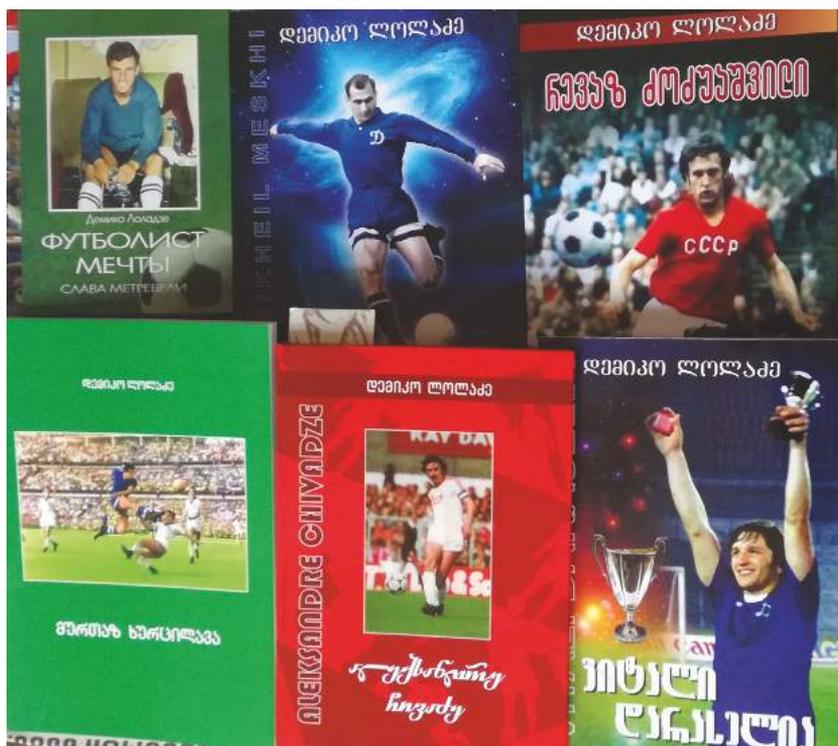
шо запомнились. Их имена я уже назвал. А своим главным учителем считаю улицу. Именно улица научила меня не совершать ошибок, не сплетничать, уметь молчать...

– А как вы стали футбольным летописцем? Как появилась первая книга?

– Надо начать с 1964 года, когда тбилисские динамовцы отправились в Ташкент, чтобы сыграть с московским «Торпедо». По итогам турнира у команд оказалось по 46 очков, и был назначен дополнительный матч. Москва предлагала играть в Ленинграде, Грузия – в Кутаиси. В итоге выбрали Ташкент. Мне 20 лет. Конечно, я решаю лететь на матч. Кто бы меня остановил? Ведь для нашей команды это был первый шанс стать чемпионами СССР. А денег нет. Лектор по логике влил мне «тройку», и я остался без стипендии. И тогда мои сокурсники скинулись, собрали мне деньги на дорогу,

С Резо Чхеидзе

и я улетел в Ташкент. 18 ноября состоялся матч. Наши, конечно, победили – 4:1 и впервые стали чемпионами страны. Вернувшись, я первым делом вернул друзьям долг. А вскоре стал внештатным корреспондентом газеты «Лело». Первым моим материалом как раз и стал репортаж о матче в Ташкенте. А первую книжку я написал о финальном матче розыгрыша Кубка обладателей кубков между командами «Динамо» и «Карл Цейсс» 13 мая 1981 года в Дюссельдорфе. Мы выиграли со счетом 2:1.

– Как вы попали в Дюссельдорф?

– Как и все 60 человек группы – по блату. Перед поездкой я отправился на «Грузия-фильм», и мне там дали целую коробку пленки А-2. В профессиональной фотографии часто использовался черно-белый кинонегатив. Особой популярностью пользовалась как раз кинопленка А-2. Целую неделю я нарезал из нее пленки для фотоаппарата. Сто пленок сделал! Прилетели в Дюссельдорф. В день матча всех пригласили на экскурсию, но мы отказались – мелькнула глупая мысль: «А вдруг автобус испортится, и мы опоздаем на игру?» Как будто мы были в Тбилиси, а не в ФРГ, и нам предстояло ехать на каком-нибудь

старом «пазике»! Начали собираться на стадион. В моем номере лежали сто пленок, а я взял с собой только три штуки. 97 пленок оставил в гостинице. Ну почему я так сделал?! Простить себе не могу! Перед матчем пошел прогуляться вокруг стадиона. Тут подъехал автобус с нашими футболистами, и я вместе с ними вошел на стадион. На меня повесили белый жетон. Я хожу свободно, снимаю. Начинается матч, а меня на поле не пускают – нет, мол, здесь нужен другой пропуск. На свое место на восточной трибуне нет смысла идти – пока дойду, половина игры пройдет. Стою, не знаю что делать... Вдруг подходит какой-то мужчина. По разговору понимаю, что поляк. Слово за слово, он что-то говорит охраннику, надевают на меня накидку с надписью TV и выпускают на поле. Я бегу и становлюсь за воротами немцев. Снимаю, снимаю... Вижу – пленка кончается. Можете представить, что со мной происходило? Меня и сейчас трясет, когда вспоминаю. Что мне помешало бросить в сумку 10 пленок? Не понимаю! А награждение? А раздевалка после игры? Радость, ликование, смех! Я сделал два кадра, и все – пленка закончилась. Там, кроме футболистов, никого не было – только я. Представляете, какие могли быть снимки? А пленки лежали в

гостинице... 40 лет прошло, а как вспомню – плохо становится.

– Но вы все-таки сделали уникальные снимки! Зачем жалеть?

– Ну, что теперь говорить... Вернулся я в Тбилиси. Пошел в лабораторию ГПИ – молодой парень, проявивший пленки, обалдел. Говорит – да на этих снимках деньги можно делать! Я только рукой махнул – ты снимки мне напечатай, а себе можешь напечатать сколько хочешь. Он напечатал, и я дарил эти фотографии направо и налево. И тут эти пленки попали к Бондо Дадвадзе – был такой фоторепортер, в Совмине работал. Он их посмотрел и говорит – слушай, на этих пленках деньги можно сделать, отдай их в Музей дружбы народов, там хорошо заплатят! Что такое, думаю, сговорились они, что ли, или издеваются? Подумал-подумал и вместе с другом Гелой Гобеджишвили пошел к Отару Эгадзе в редакцию «Сабчота хеловнеба» («Советское искусство»). И в результате вышла небольшая брошюра – с моими фотографиями и вступительным текстом. Это и была моя самая первая книга. Многие потом говорили, что узнали обо мне благодаря именно этой книжке. Не поймите неправильно, но мне понравилось, как недавно выразился Гриша Ониани: «В лицо Демико не знают, а имя и фамилию знают все». Ну, что тут скажешь... Тема такая – футбол всех интересует и всех объединяет.

– Есть среди ваших книг любимые?

– Есть. Это книга «Футболист мечты» о Славе Метревели, моя единственная книга на русском языке. Я люблю ее потому, что она посвящена не только великому футболисту, но и великому человеку. И очень благодарен за ее издание Николаю Свенцицкому.

– 3 апреля вам, верится с трудом, исполнилось 77 лет. Совсем скоро выйдет в свет ваша 77-я книга. И в это тоже трудно поверить!

– Но это именно так. 75-я книга вышла в феврале, 76-я – сейчас, в апреле, а на презен-

тацию 77-й я приглашу вас 13 мая, в день победы тбилисского «Динамо» в розыгрыше Кубка обладателей кубков. За помощь в подготовке книг хочу особо поблагодарить Каху Бахтадзе – замечательного специалиста и прекрасного певца.

– Батоно Демико, а как вы начали рисовать?

– 2010 год для меня выдался очень тяжелым – я перенес операцию, лежал в больнице... В один прекрасный день прихожу в мастерскую к Залико Сулакаури, моему другу, замечательному художнику, который по моей просьбе рисовал отличные шаржи на футболистов. Залико был занят, писал. Ну, я сижу, жду. И от нечего делать попросил у него картон, гуашь (а я прежде никогда кисть в руках не держал) и стал рисовать. Он закончил свой рисунок, я – свой. Залико посмотрел, удивился и сказал – приходи завтра, будем заниматься. Я пришел, нарисовал пару рисунков. «Больше не приходи, – резюмировал Залико. – Возьми каталог Ван Гога и рассматривай. Все». Через два месяца я показал свои картины другим художникам. Оказалось, у меня врожденное

С Марленом Хуциевым

Б. Мусеридзе, О. Цаава, Г. Сагарадзе, Д. Лоладзе

чувство цвета и сочетания цветов. К концу года меня приняли в Союз художников Грузии. Ровно полтора года я писал без остановки. Засыпал с мыслью о том, чтобы поскорее взошло солнце, и я сел бы рисовать. Я даже отложил в сторону книгу, над которой работал в то время. Волна пошла! Да, футбол – это моя жизнь. Ничего лучшего для меня на свете не существует. Но я полтора года только рисовал, полтора года не мог закончить очередную книгу о футболе... Единственные книги, которые я открывал в это время, – были альбомы живописи и каталоги художественных аукционов.

– А сейчас пишете?

– Нет, слишком занят. Воодушевление от первого опыта прошло...

– Вашему браку почти 45 лет. В чем секрет семейного долголетия?

– Моя жена, Лариса, родом из Батуми. Училась в Москве, в Плехановском, затем перевелась в Тбилисскую Академию художеств, специалист по моделированию одежды. Она чудесно рисует. Для Ларисы на первом месте всегда была семья. Всю жизнь она занималась детьми, а сейчас – внуками. Ее счастье в том, чтобы думать не о себе, а о семье. Вот и весь секрет. К тому же меня – с моим характером и привычками – мало кто смог бы вытерпеть. Она – смогла. И я ей очень благодарен. Наши дети – выпускники Политехнического института.

Старший сын и дочь уже обзавелись семьями, младший – пока холост. У нас двое внуков и три внучки.

– Что ж, излишне задавать вопрос, что вас больше всего радует. А что огорчает?

– Меня огорчают палатки, которые появились перед Домом правительства. А радует доброта. Расскажу вам одну историю. В 1966 году на летних каникулах меня включили в группу студентов, которая ехала в Венгрию. Но оказалось, что мои друзья летят в Прагу. Конечно, я отказался от поездки в Венгрию и записался в пражскую группу. А незадолго до вылета друзья общаются, что меня в списках нет. Видно, кого-то блатного взяли, а меня выкинули. В общем, я и в Венгрию не попал, и с Чехословакией пролетел. Стою у входа в университет, совершенно убитый. Смотрю – идет ректор Илья Векуа. Не знаю, как решился, но подошел и обо всем ему рассказал. На следующий же день вопрос был решен. Никогда этого не забуду. Много можно о нем рассказать. Честнейший был человек. Потому и глядит на нас с Мтацминда. Добро забывать нельзя. Недавно был такой случай. Иду я по Руставели, и вдруг ко мне кидается женщина: «Батоно Демико, еще раз огромное вам спасибо! Вы такое доброе дело для нас сделали! У нас внук родился, мы его назвали Демико!» Я не смог вспомнить, чем помог этой женщине. Но, знаете, был счастлив.

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР ДУЕТ С ЮГА...

■ **Нина ШАДУРИ**

Карьера берет исток у подножия. Отсюда и начинается тот самый «путь вверх», к вершине, о которой грезит любой творческий человек. У актера Театра имени А.С. Грибоедова Михаила Гавашели все произошло стремительно, ярко и совершенно по-другому. Он стартовал сразу с пика: сыграл главную роль в картине «Алиса», которую курировал Тимур

Бекмамбетов, и одну из главных ролей в фильме Ренаты Литвиновой «Северный ветер». Такому началу, на первый взгляд, можно только позавидовать. Но только на первый. Потому что теперь у везунчика нет пути назад. Актеру нельзя спускаться вниз. Остается – покорять следующую вершину. Хотя, как известно, по мере восхождения подъем становится все круче.

Об этом и многом другом мы и поговорили с Михаилом.

– **Миша, мне кажется, ты волнуешься.**

– Я волнуюсь перед каждым интервью.

– **Почему же?**

– Опасаюсь не подобрать нужных слов, неудачно выразиться и потом, спустя время, вообще пожалеть, что согласился на встречу.

– **Ну, давай не спешить, подбирать слова. Тем более что за последнее время тебе часто приходилось беседовать с журналистами.**

– Да, приходилось. И в Грузии, и в России. К тому же после московской премьеры фильма «Северный ветер», на которую мне удалось прилететь, в кинотеатре «Октябрь» состоялось обсуждение картины с участием Ренаты Литвиновой, Никиты Кукушкина, Кирилла Трубецкого и вашего покорного слуги. Модератором встречи был кинокритик, главный редактор журнала «Искусство кино» Антон Долин. Зрители задавали вопросы. А все зрители – разные, и вопросы были самые разные – умные, смешные, неуместные... Что увидит тот или иной зритель в картине, как он ее воспримет – никто не может сказать заранее.

– **Как ты попал в картину?**

– Неожиданно. В один прекрасный день мне на телефон пришло сообщение, что Рената Литвинова начинает съемки нового фильма и хочет со мной познакомиться.

– **Хотела бы я посмотреть на выражение твоего лица в этот момент!**

– На самом деле радоваться было рано – мне пришлось пройти долгий путь кастингов. Ко мне присматривались, пробовали. Много видеозаписей я сделал здесь, в Тбилиси, и выслал в Москву. И наконец, когда прилетел на очередной кастинг, мне сообщили, что я утвержден. Вот тогда-то у меня, наверное, и было особое выражение лица! Понимаете, кастингами-то меня не удивить...

Кадр из фильма «Северный ветер»

– **И как работалось? Да еще в такой звездной компании.**

– Я дико переживал. Опыта у меня было поменьше, чем у именитых партнеров. Боялся навредить, ошибиться... А после третьего съемочного дня у меня возникли вопросы, я пошел к Ренате, к коллегам, мы побеседовали, и я убедился, что волнуюсь напрасно – понял, что мы все здесь собрались, чтобы сделать хороший проект.

– **Какая атмосфера царила на площадке?**

– Волшебная! Все было очень эстетично – специально выстроенный, восхитительный интерьер, необыкновенные огни, цвета... Как только я входил на съемочную площадку, то физически ощущал, что нахожусь в каком-то другом измерении.

– **Как работает Рената Литвинова? Репетировали, обсуждали?**

– Представьте себе, самые сложные сцены – длинные, волнительные – снимались почти

без репетиций. Технически все было выверено безупречно. Но отношения между персонажами не прорабатывали, про оценки и реакции не говорили... Метод такой у режиссера.

– **Она диктатор?**

– Нет, что вы. Я не чувствовал никакого железного кулака. Наоборот, Рената очень доброжелательна. Бывало, что по моей вине происходили задержки, и она дружелюбно, с пониманием относилась к ситуации. Очень мне помогала.

– **Как к любимому внуку. Ведь ты и сыграл эту роль.**

– Да, мне даже иногда казалось, что Рената не хочет разрушать гармонию отношений наших персонажей и настраивается именно на этот лад.

– **Как складывались отношения с партнерами?**

– Это была работа. Очень комфортная, хочу заметить. С несколькими актерами я даже подружился.

– **Фильм уже вызвал волну разноречивых откликов. Основная претензия – туманный смысл. Как ты сам объясняешь, о чем картина?**

– А зачем объяснять? Я представлю это зрителям. Пусть каждый сам делает свои выводы. Кстати, в картину многое не вошло. Мы сняли более шести часов, а фильм идет два часа. Предполагалось, что потом будет и сериал. В полной версии, между прочим, моя линия построена очень логично и понятно. И мне, конечно, жаль, что некоторых моих сцен я в фильме не увидел – образ Хьюго, думаю, был бы более интересным, более выстроенным.

– **Переформулирую вопрос: как бы ты проанонсировал картину?**

– Повесить какой-то ярлык или определить жанр я не могу. Это фильм Ренаты Литвиновой, вот и все. Поразительно красивый фильм. Фантазмагория. Сны Ренаты. Как она захотела снять свое авторское кино, так она его и сняла.

Кадр из фильма «Северный ветер»

– Ты говоришь почти словами Антона Долина. Я процитирую: «Судить по всеобщим законам невозможно. Единственный жанр этого фильма – «Рената Литвинова». Если он вам не близок или неинтересен, даже не пытайтесь преодолеть порог готической усадьбы, в которой разворачивается действие. Здесь не рады чужакам, и не всем им удается выжить, как наглядно показывает сюжет».

– Да, кино Ренаты невозможно классифицировать. Это отдельный жанр. Точнее, она сама – жанр. Она сама от себя произошла. А «Северный ветер», мне кажется, – ее лучшая картина. И это не только мое мнение.

– А говоря о твоей работе, можно отметить, что «северный ветер» в этом фильме дует с юга. Ну что ж, пойдём дальше – от конца к началу. Картина «Алиса», связанная с именем Тимура Бекмамбетова.

– Режиссер этого фильма – Василиса Кузьмина. В 2018 году она стала одним из пяти победителей всероссийского

сценарного конкурса на тему недалекого будущего и получила возможность снять свой сценарий «Алиса» под руководством Тимура Бекмамбетова и его кинокомпании Bazelevs. В то время я проходил кастинги для «Северного ветра», и меня пригласили на пробы в картину «Алиса». Я очень благодарен Василисе Кузьминой и кастинг-директору Светлане Пилипко за то, что они в меня поверили и дали шанс. Хотя я должен подчеркнуть, что сперва в меня поверила мой агент – Тамрико Гогичаишвили. Все говорили, что это практически невозможно – актеру из Грузии, который никогда не снимался, и вдруг получить главную роль. Но чудо случилось.

– Чем запомнились съемки?

– Знаете, мне нравится, когда режиссер работает не по заранее четко расписанному плану. Хотя именно так – по плану, жестко и четко – работает мой любимый режиссер Квентин Тарантино. У него все прописано в сценарии заранее, до мелочей. А Василиса Кузьмина дала мне свободу. Более того,

всегда предлагала снять так называемый «актерский дубль» – мою версию, в которой я мог бы сыграть так, как хочу. Я никогда этого не делал, потому что у меня и сейчас нет большого опыта в кино и той свободы, до которой я хочу дойти. «Алиса» идет 16 минут, и там практически нет склеек – снято одним куском. Я был очень напряжен – это мой первый фильм! – и старался следовать тому направлению, которое задал режиссер. Какой уж тут актерский дубль! Хотя какие-то импровизации все же получились.

– Какое значение для тебя имеет служба в театре?

– Грибоедовский театр повлиял на мою жизнь, на мою карьеру, потому что первые шаги в профессии я сделал именно здесь. О том, что я успел сделать, – судить публике, а для меня важно, что театр зажег во мне огонь желания развиваться, идти дальше. Это огромная школа – и репетиции, и спектакли, и мастер-классы, и гастроли. Все это не раз мне пригодится, я знаю.

– Ты успел поработать на

Мария Бердинских, Михаил Гавашели, Рената Литвинова

сцене с несколькими режиссерами. В чем особенности творческой манеры каждого из них?

— Авто Варсимашвили приходит на репетицию абсолютно готовым. При этом он всегда открыт идеям и предложениям — при условии, что ты идеально понимаешь его замысел и требования. А самое главное, что в наше время, когда у всех каждая секунда на счету, он никогда не тратит время зря — никаких пустых разговоров, только работа. Помню, как мы ставили «Шинель» Гоголя — в течение двух репетиций он объяснял, о чем ставит спектакль. Потом сразу же вышли на сцену. Но внутренние отношения мы выстраивали сами — исходя из замысла режиссера. Батони Авто часто говорит, что очень любит своих актеров и полностью доверяет им в работе — так оно и есть.

О Нугзаре Лордкипанидзе, царствие ему небесное, не могу говорить без улыбки — потому что это был очень светлый человек и яркая личность. Знаете, на репетиции — а мы тогда работали над «Поздней любовью» Островского — он вдруг мог рассказать тебе какой-то анекдот, и через некоторое время ты понимал, что анекдот прозвучал не просто так, что в этом был особый смысл и значение — для твоей роли, разумеется. В работе у него не было ничего случайного или напрасного. Но Нугзар Леванович творил только через

позитив, только доброе отношение.

Что касается Вахтанга Николава, то он, наоборот, работает очень жестко, и это, мне кажется, не манера, а метод. Кстати, он был педагогом нашей актерской группы в университете. Конечно, мы не во всем были с ним согласны, как и положено студентам. Но я не могу не сказать о том, что многие вещи, о которых он нам рассказывал, до сих пор очень помогают в работе. Он здорово нас натренировал. Образно говоря, его уроки — это такой фонарик, который не все время горит, но я всегда могу нащупать его в кармане и зажечь, когда надо.

Очень интересно работало с финским режиссером Яри Юутиненом. Мы ставили

спектакль по пьесе финского же драматурга Кристиана Смедса «Ледяные картины», в котором была занята вся наша группа — 8 человек. Мы учились тогда на втором курсе, и Яри решил пройти с нами, в дополнение к репетициям, и специальные тренировки. Мы бегали по лестницам, делали дыхательные упражнения... Спектакль получился, с успехом гастролировал в Финляндии, принял участие в Международном театральном фестивале «Встречи в России» в Санкт-Петербурге — кстати, именно в тот год Театру Грибоедова была вручена престижная премия имени Кирилла Лаврова. Кстати, Вахтанг Николава, посмотрев спектакль, на следующий день сказал нам на занятиях: «Я и не думал, что вы столько пережили в жизни...» А мы, скажу вам по секрету, ничего не переживали из тех проблем, о которых идет речь в пьесе. Значит, мы хорошо работали.

— Ты принимал участие в Летней театральной школе СТД России в Звенигороде, в «Петербургских театральных мастерских», в Летней школе в Шекветили...

— Все эти школы принесли огромную профессиональную пользу. Это колоссальный интернациональный опыт для молодого актера. Что может быть лучше — познакомиться с разными культурами не по книгам, а вживую! В Звенигороде я понял, что в течение целого месяца

В спектакле «Ледяные картины»

На Всемирном молодежном форуме соотечественников в Софии. 2017 г.

могу работать над спектаклем вместе с незнакомыми людьми – вне зависимости от того, из каких мы стран и на каком языке разговариваем в жизни. А все потому, что говорим на одном театральном языке. Любые творческие люди могут с легкостью общаться между собой – вот главный опыт, который я вынес из всех школ. Кстати, уверен, этот опыт во многом помог мне достойно представить Грузию на Всемирном молодежном форуме соотечественников в Софии, где я выступил с докладом «Русский театр и театральное образование в Грузии».

– Нельзя не вспомнить о студии «Золотое крыльцо». С нее все и началось, правда?

– Да, мне было 13 лет, когда я пришел в студию. Там я впервые вышел на сцену, о чем мечтал с детства. И там же начал понимать, что значит быть актером. Руководителю студии Ирине Владимировне Квицинадзе очень нравилось, что я делаю, и такое отношение, конечно, очень воодушевляло. Она для меня – вторая мама. Я ее так и называю до сих пор.

– А теперь перейдем к самому началу, и я попрошу тебя рассказать о родителях. Прости, что причиняю боль...

– Да, это тяжелая тема... Мои родители не жили вместе, но сохранили хорошие отношения, и я рос, можно сказать, на два

Ирина Гавашели

дома. Половину детства провел в транспорте – путешествуя от мамы к папе и наоборот. Мне было 15 лет, когда папы не стало. Но он успел увидеть меня в спектакле «Золотого крыльца», и ему понравилось. А в студию меня привела мама. Она, конечно, бывала на каждом спектакле. Моя первая работа в театре Грибоедова – «Ледяные картины» – стала последней, которую она увидела... Если помните, спектакль начинается с того, что я спускаюсь в зал и прикасаюсь к рукам зрителей. Мама всегда сидела на десятом кресле в первом ряду, я прикасался к ее рукам. У меня сохранилась эта фотография – маминых рук, которых я касаюсь... Это был самый счастливый зритель! Она очень хотела, чтобы я не оставался, шел вперед. «Плох

тот солдат, который не мечтает стать генералом», – повторяла мама. И я стараюсь все делать по максимуму. К тому же мне это нравится, я очень люблю свою профессию.

– Как тебе кажется, какие черты ты унаследовал от своих родителей?

– Я часто об этом думаю. От отца, мне кажется, – какую-то чрезмерную честность. Хотя честность не может быть чрезмерной. Так что – просто честность. Я могу иногда соврать или повести себя не так, как надо. Но как же я себя буду потом корить, казнить! А от мамы

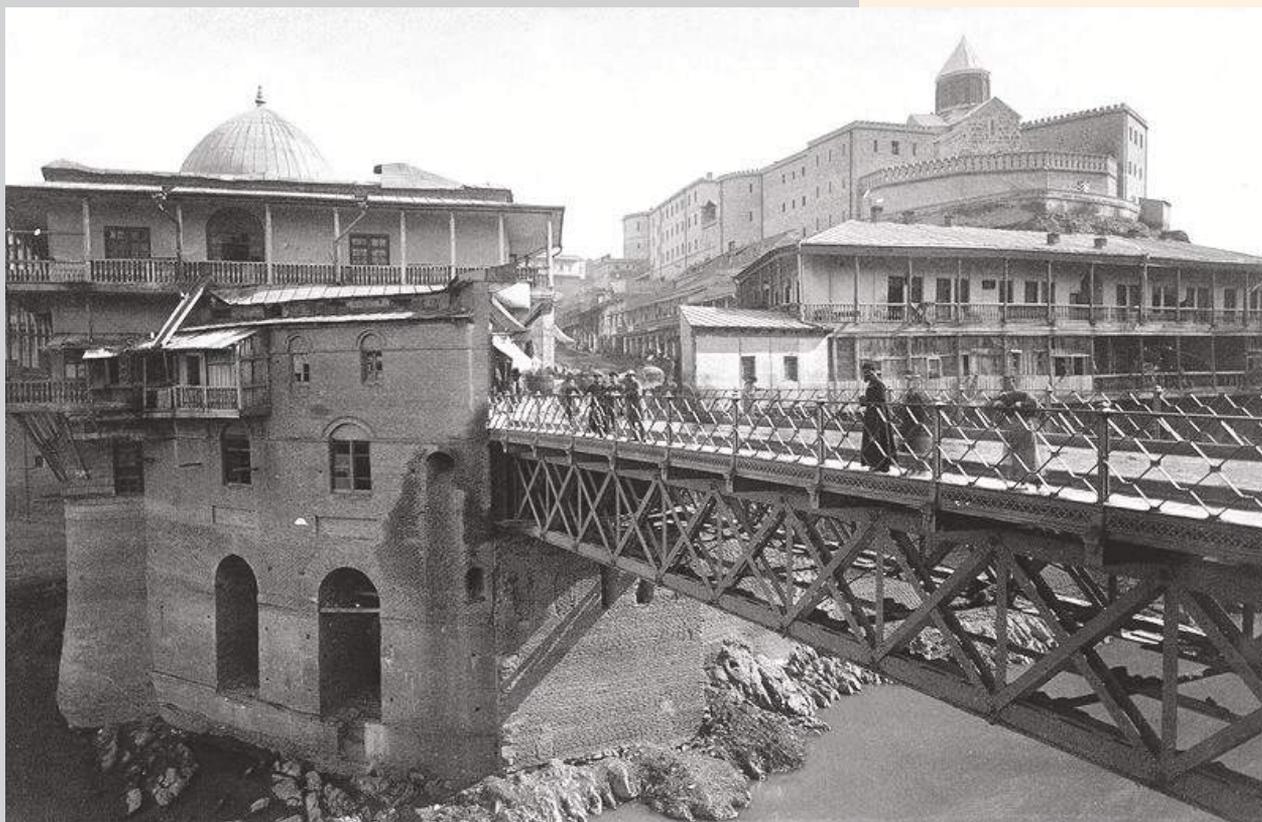
я унаследовал желание помогать другим. Мама была очень добрым человеком. Жертвенным.

– О чем мечтаешь, Миша? Чего себе желаешь?

– Сегодня об этом говорить довольно сложно. Нам выпало жить в такое время, когда все меняется очень быстро. То, что было актуальным вчера, сегодня становится неактуальным. Чего желаю? Наверное, счастья, хотя я пока не очень хорошо понимаю, что же это такое, счастье...

– От имени всех твоих поклонников и болельщиков желаю тебе продолжать путь наверх. И пусть он будет счастливым! Договорились?

– Обещаю.

Метехи и мост через Куру

ЗДЕСЬ УЧИЛИСЬ ПРЕКРАСНОМУ

Ирина ДЗУЦОВА

В XIX в. в Тифлисе активно развивался художественный рынок. Предпосылкой этому процессу было несколько: появление городской буржуазии, рост национального самосознания и общего культурного уровня населения, приезд русских и европейских художников и создание частных художественных школ, введение предмета «рисование» в учебных заведениях.

Параллельно развивалась торговля произведениями искусства. Она была сосредоточена в руках частных лиц, самих художников и владельцев различных магазинов. В 1884 г. в Тифлисе насчитывалось 16 картинных магазинов, а в 1906 г. – уже 30. И это – не считая книжных и табачных лавок, также торговавших изобразительной продукцией.

В собственной мастерской по ул. Михайловской 47 продавал свои работы художник

Михаил Савенков, недалеко от него – Варфоломей Джебеян. Продавали произведения искусства и Михаил Цагарели, И. Лоладзе, купец 2-ой гильдии Тарасов, надворный советник В.К. Минаев и др. Эта торговля способствовала демократизации произведений искусства в Тифлисе, их «внедрению» в массы.

Большую роль в развитии художественного рынка сыграли художественные школы, студии и курсы рисования, особенно в последней четверти XIX в. Придерживались в основном программы классов рисования Кавказского Общества поощрения изящных искусств (КОПИИ, открытый при содействии наместника на Кавказе), но зачастую педагог частной школы обучал по собственной системе и методике.

Важно отметить, что в Грузии и в прежние времена функционировали церковно-монастыр-

ские школы, где преподавали живопись и каллиграфию. Знаменательно, что рисование было обязательным предметом для юношества духовного и дворянского звания. Временем зарождения грузинской станковой живописи принято считать вторую половину XVIII в. Но живописью занимались и в XVII в. Тому примером – художница Родия Микеладзе. Сведения о ней имеются в мемуарах театрального миссионера и художника из Италии Кристофора де Кастелли (1597-1659). В Грузии он находился с 1623 г. по 1654 г. в одном из его альбомов дан авторский рисунок, на котором изображена Микеладзе: она стоит с палитрой в левой руке и кистью в правой. На другом рисунке Кастелли изображена еще одна художница (имя ее не указано), стоящая с палитрой в левой руке и кистью в правой. Несомненно, обе модели принадлежали к кругам высшей грузинской знати, а рисованию и живописи учились у Кастелли.

Известно, что он и его соратники занимались в Грузии не только пропагандой католической веры, но также обучали ремеслам, наукам и искусству живописи. В 1670-х гг.

Григорий Гагарин

миссионеры-театинцы открыли в Тифлисе школу, где учащиеся знакомились с образцами итальянского искусства (иконы, гравюры, станковая живопись), привезенными из Италии. Неизвестно, какой степенью мастерства обладали учителя, но, судя по рисункам самого Кастелли, он был прекрасным рисовальщиком с профессиональным уровнем подготовки и тонким вкусом.

Рисованию учили и детей царского двора. Царевич Иоанэ (1768-1830), сын последнего грузинского царя Георгия XII, один из любимых внуков Ираклия II, был известен не только как доблестный воин, поэт, писатель и переводчик, но и как художник, прекрасно разбиравшийся в искусстве. Царевич с детства рисовал. Предполагаю с большой долей уверенности, что наставником его был художник Осип (Иосиф, 17?-1830) Геттинг. Лютеранин из Пруссии, он приехал в Грузию из Петербурга в 1784 г. по просьбе царя Ираклия II и воспитывал царских внуков. Всесторонне образованный человек, он профессионально занимался живописью. В Грузии он писал портреты царя и царевичей.

В 1801 г. царевич Иоанэ был выслан в Россию, но и здесь он интенсивно занимался теорией

и практикой искусства. Известна созданная им аллегорическая картина «Грузия», преподнесенная автором императору Александру I. Одну из глав своей знаменитой книги «Калма-соба» («Хождение по сбору»), Иоанэ посвятил искусству живописи и краскам. В книге Иоанэ упоминает Геттинга как «прусского ученого». В 1804 г. царевич перевел на грузинский язык учебник ректора Нюрнбергской академии художеств Даниила Прейслера (1666-1737) «Основательные правила или краткое руководство к рисовальному художеству», добавив к нему свою рисовальную азбуку (с правилами фресковой живописи). Царевич Иоанэ иллюстрировал рукописи карандашом, тушью, акварелью и черными чернилами. Подписывался он так: «Нарисовал царевич Иоанэ».

В 1802 г. статский советник П.И. Коваленский способствовал открытию Благородного училища для местной молодежи, где в числе других предметов преподавали и рисование. В 1803 г. главноуправляющий Грузией П.Д. Цицианов (Цицишвили, 1754-1806) представил проект нового училища взамен прежнего. В 1826 г. цициановское училище было преобразовано в гимназию. Здесь функционировал прекрасный рисовальный зал и скульптурно-рисовальный класс, где стояли станки для рисования, а на стенах висели картины и гравюры с работ классических художников.

Долгий и тяжелый путь ученичества проходили и в Тифлисском амкаре (гильдии) живописцев в XVII-XIX вв. Амкар выдавал аттестат на звание живописных (или малярных) дел мастера, достигшему высокой квалификации и безупречной профессиональной репутации. В архивных делах Тифлисской ремесленной управы хранится аттестат 1878 г. следующего содержания: «Дан сей аттестат из Тифлисской ремесленной управы проживающему в Тифлисе французскому подданному гор. Марселя Жозефу Жуену в том, что в надлежащем испытании его экспертами оказался совершенно достойным в искусстве

сделанных работ, а потому он, Жозеф Жуен, может носить звание мастера с правом открыть мастерскую».

Яркой и разнообразной предстает перед нами картина художественной жизни XVIII-XIX вв. в Грузии, главным образом, в Тифлисе. С одной стороны, деятельность придворных художников и иконописцев. С другой – творчество местных и приезжих художников, надеющихся на высокий спрос на их искусство. Приезжие художники занимались творчеством, а также преподавали рисование в своих мастерских, а также в гимназиях и в рисовальной школе при КОПИИ, действовавшего с 1873 г. до 1921 г.

Детей и любителей искусства учили не только рисованию, но прививали им вкус к изящному и прекрасному.

В течение многих десятилетий Тифлис оставался центром культурной жизни Закавказья. Местные и приезжие художники работали в условиях неуклонного соблюдения благопристойности и патриархального быта. Удельный вес живописного искусства был достаточно велик, но художники давали объявления в газетах о принятии заказов на исполнение тех или иных работ. Местная элита предпочитала работы приезжих худож-

Оскар Шмерлинг

ников, вольных мастеров, при-
вносивших свои эстетические
нормы.

В череде имен художников,
работавших в Грузии, особо
стоит отметить имя Николая
Васильевича Склифосовского
(1870-1935), тесно связанное
с историей развития художе-
ственного образования. Почти
всю свою жизнь и творческую
энергию он посвятил делу ху-
дожественного воспитания
молодежи. Н. Склифосовский
преподавал в тифлисских гим-
назиях и в школе КОПИИ, на
собственные средства создал
первую художественную школу

Ладо Гудиашвили

в Батуми, а затем Курсы рисо-
вания и живописи в Тифлисе
(с 1911 г.). Он обучал рисо-
ванию и лепке, передавая детям
свои знания и опыт, развивая
их воображение, способности к
передаче впечатлений. Педагог
от бога, но также и «импресса-
рио» своих учеников, он посто-
янно организовывал выставки
работ своих учеников, вплоть
до выставки в Дрездене в 1912
г., приуроченной к IV Междуна-
родному конгрессу по вопро-
сам обучения рисованию и при-
кладному искусству.

Курсы рисования и живописи
были явлением массовым и до-
ступным: учеба была доступна
всем, без возрастных или со-
циальных ограничений. На Кур-
сах Склифосовского учились
Елена Ахвледiani, Сигизмунд
Валишевский, Серго Кобулад-

зе, Вано Ходжабегов, Аполлон
Кутателадзе, Александр Бажбе-
ук-Меликов, Кирилл Зданевич и
другие ярчайшие представите-
ли грузинской художественной
культуры.

По воспоминаниям Народно-
го художника Грузинской ССР
Серго Кобуладзе, записанным
мною в 1970-х годах, Н. Склифо-
совский был строг как в вопро-
сах дисциплины, так и в оценке
работ своих учеников.

В художественной студии
Рихарда Зоммера (1866-1939)
в Тифлисе учился Ладо Гуди-
ашвили. В рисовальной школе
Константина Кепнера (?-?) учи-
лся Гиго Габашвили. В 1880-х
годах частным преподаванием
занимался художник и иконопи-
сец Людвиг Лонго (1831-1914).
В Тифлисе его называли «маэ-
стро живописи». График и кар-
икатурист Оскар Шмерлинг
(1863-1938) учился в Санкт-
Петербурге и Мюнхене. Вер-
нувшись на родину в Грузию, он
много и плодотворно работал,
преподавал в Закавказском
Девичьем институте, а в 1902-
1916 гг. был директором школы
живописи и скульптуры при КО-
ПИИ. Позже стал профессором
первой в истории Грузии Акаде-
мии художеств. Учениками О.
Шмерлинга были Давид Гвеле-
сиани, Кетеван Магалашвили,
Георгий Сесиашвили...

Петр Колчин (1838-по-
сле 1895) был живописцем, ма-
стером портретной живописи,
графиком, фотографом. В Тиф-
лисе он жил с середины 1860-х
годов. Преподавал в реальном
училище и в классах, организо-
ванных им самим в 1889-1894
гг.

Живописец и график Арутюн
Шамшинов (1856-1914) учился
в Тифлисе и Санкт-Петербурге,
преподавал рисование в гимна-
зиях, имел собственную студию,
а в 1880-х гг. обучал рисованию
и живописи в школе КОПИИ,
где были организованы клас-
сы для занятий с натуры и для
любителей. А. Шамшинов – ав-
тор учебника «Элементарный
курс рисования и перспективы»
(1904 г.).

Необходимо отметить попыт-
ку художника Григория Гагари-
на (1810-1893) создать худо-
жественную школу в Тифлисе.
Он составил проект начальной

Серго Кобуладзе в мастерской

школы и программу обучения.
В состав преподавателей долж-
ны были войти художники Карл
Жидковский, Василий Береж-
ной, Федор Байков и Стефанос
Нерсисян. Власть отвергла про-
ект, ссылаясь на его дороговиз-
ну.

Упомяну и грузинского ху-
дожника Георгия Маисурадзе
(1817-1885). Он учился у некое-
го местного художника. До сво-
его отъезда в Санкт-Петербург
в 1837 г. освобожденный Алек-
сандром Чавчавадзе от кре-
постной зависимости Г. Маису-
радзе обучал рисованию внуков
А. Чавчавадзе (детей Екате-
рины Чавчавадзе) в имении Гор-
да.

Создание школ, студий и кур-
сов – прогрессивное явление в
художественной жизни Грузии.
Конечно, не все ученики стано-
вились впоследствии художни-
ками, но они усвоили творче-
ский подход в любой профессии.
Здесь преподаватели формиро-
вали творческие личности, зна-
комили молодежь с основами и
навыками профессионального
искусства, прививали чувство
прекрасного, открывали новые
горизонты знания.

КУЛИНАРНЫЙ ШЕДЕВР ГРУЗИНСКОЙ КНЯГИНИ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

В церкви священник проводит обряд венчания, жених гораздо старше невесты: ему 32 года, а ей всего 12(!) По поведению девочки видно, что она еще не до конца вышла из «кукольного» возраста и воспринимает происходящее как игру. Вдруг в церковь влетает летучая мышь, невеста, увидела ее и вскрикнула: «Священник, священник, пожалуйста, умолкни, кажется, прилетела моя канарейка и я хочу ее поймать». Это не выдуманная история, а реальный факт из жизни видного общественного деятеля и писательницы Барбаре Эристави. В историю Грузии она вошла как автор знаменитой кулинарной книги «Полная кухня».

«Девочка очень рано потеряла мать, ее воспитала няня, Гуливардиса, которую Барбаре обожала. Няня рассказывала воспитаннице сказки, обучила грамоте и всему, что женщина должна знать, от рукоделия до приготовления еды. Барбаре выдали замуж за отставного военного Захария Джорджадзе. Несмотря на дворянское про-

исхождение, после замужества она вовсе не чуралась выполнять дела по дому», – отметила президент Гастрономической ассоциации Грузии, профессор Тбилисского государственного университета Далила Цатава, рассказывая о деятельности Джорджадзе в рамках проекта «Гастрономический гид» компании «Боржоми».

ПЕРВАЯ ФЕМИНИСТКА ГРУЗИИ

С черно-белой фотографии на нас смотрит женщина, на лице которой отпечаток перенесенных невзгод. Жизнь вынудила ее быть сильной и бороться не только за себя, но и за многих своих соотечественниц. Ко времени женитьбы Захарий Джорджадзе успел обеднеть, и молодой жене пришлось управлять хозяйством семьи, обремененной большими долгами. К счастью, Барбаре помогал ее брат, известный поэт и общественный деятель Рафизл Эристави, без поддержки которого она не смогла бы вырастить детей и заниматься литературой. Джор-

джадзе писала стихи, пьесы, ее произведения ставились в Кутаисском театре. Она стала первой грузинской феминисткой, которая бесстрашно выступала за равноправие женщин, Барбаре опубликовала письмо в журнале «Цискари», в котором обратилась к молодым людям с призывом позаботиться о своих сестрах, помочь им получить образование, т.к. женщины имеют такие же права, и могут учиться не хуже мужчин. Представители дворянства недвусмысленно указали ей: «Ваше место не на страницах газет и журналов, а на кухне». Она ответила оппонентам, что женщина с успехом может справиться со своими обязанностями как на кухне, так и в учебном заведении, и на любом ином поприще. Именно в доказательство своих слов Барбаре написала уникальную поваренную книгу, приложив немало усилий для сбора рецептов со всех уголков Грузии. «Полная кухня» соответствует почти всем стандартам кулинарной литературы, это не только практическое руководство по искусству приготовления блюд, но и содержит массу советов «на все случаи жизни», помогает женщинам обрести уверенность в своих силах.

«ПОЛНАЯ КУХНЯ»

«Полная кухня» Барбаре Джорджадзе – кладезь, хранящий неоценимую информацию о грузинской гастрономической культуре. Книга называлась «Справки о грузинской кухне и ведении семейного хозяйства». Она была издана в 1874 году типографией Эквтиме Хеладзе, и говоря современным языком, стала настоящим бестселлером. Позднее, в 1914 году, ее дочь, Манана Джорджадзе повторно издала произведение матери, дополнив ее европейской кухней. Все издания книги мгновенно исчезали с полок книжных магазинов, а девицы, выходя замуж, получали этот шедевр в качестве приданого.

В сборнике собрано до 800 рецептов, из них кулинарных – всего около 665, остальные – полезные советы по домашнему хозяйству: как красить ткань, чистить кухонную утварь, выводить пятна. Вот несколько

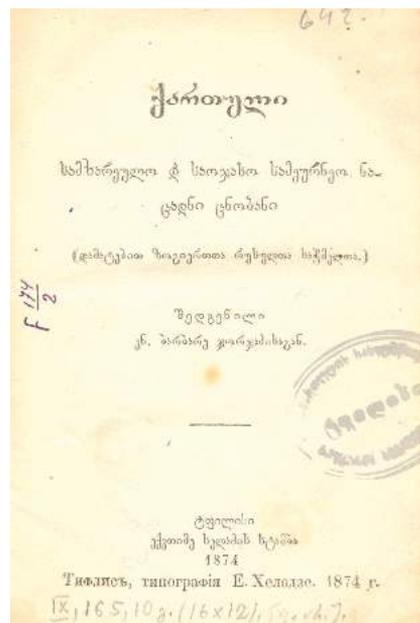
из них: «...если ваш нож пахнет луком, на некоторое время положите его в сахар. Если на одежду попало пятно от кофе или шоколада, или вылилось красное вино, не нервничайте. В аптеке купите глицерин, смешайте его с яичным желтком, намажьте на пятно, оставьте на некоторое время, затем хорошо промойте». Здесь же есть рекомендация, как поступать если на кухне появились муравьи, – «в бахче у вас обязательно будет помидор – соберите листья растения и насыпьте там, где живут муравьи, вскоре они исчезнут, а в вашем доме воцарится приятный запах». Эта книга дает ясную картину экономической и политической жизни страны, из нее можно узнать, какими культурами питались в те времена в Грузии, какова была культура трапезы, салонные вечера, которые тогда были очень популярны.

Цатава особо подчеркнула варваризмы и архаизмы, которыми полна данная книга, и с лингвистической точки зрения это великолепный материал для наблюдений. Писательница Диана Анфимиади даже посвятила ей статью под названием «Варваризмы Барбаре», где отметила, что произведение Джорджадзе своего рода «социолект», содержащий харак-

терные черты грузинского литературного языка XIX века, элементы различных диалектов, заимствованную из других языков лексику. «Ее слог как бы служит посредником в коммуникации между различными слоями общества, одинаково понятен городскому ремесленнику и аристократу. Это своеобразное социальное и культурное явление, отражение духа эпохи», – отметила Анфимиади. И правда, в рецептах много заимствований из русского и других языков, например, «столовая ложка» прямо так и написана по-грузински «столис ковзи», «стакан» называется «стакани», помидор называется «русским баклажаном», а само слово пишется «помдамури», приправа «английский перец» именуется «бахари» и т.д. Вместе с тем здесь приведены исконно грузинские названия продуктов, которые неизвестны широкой публике, – «вы думаете гречневая крупа именуется по-грузински «цицибура»? Барбаре Джорджадзе говорит, что ее настоящее имя «угрехели»», – отметила Цатава.

Как правило, рецепты блюд даны из расчета на шесть персон, любопытно читать пояснения Барбаре о мерах веса, объема. Вес ингредиентов указан не в килограммах, а в фунтах. «Знаете, сколько воды вмещает один стакан? В кулинарных книгах советского периода упоминается т.н. граненый «стакан Геладзе», из которого мы пили воды Лагидзе и знаменитую газировку, оказывается, он вмещает жидкость объемом в 250 гр.», – отметила Цатава.

В книге приведены почти все блюда из зелени, в отечественной кухне очень много вегетарианской пищи, в особенности ею богата кулинария Западной Грузии. Отдельная глава посвящена постному меню: большинство населения страны – православные христиане, поэтому данный раздел отличается разнообразием. Как отметила Цатава, православный пост совсем не тяжел, так как состоит из таких продуктов, в которых содержатся все необходимые минералы и витамины, таким образом, организм человека не «беднеет». Естественно, веду-

щей приправой этих блюд является грецкий орех, а сами яства называют «нигвзиани».

Как и любая поваренная книга, «Полная кухня» содержит подробное описание кухонных аксессуаров: когда и как нужно употреблять конкретную доску, нож, кастрюлю. В гастрономической культуре и в кулинарном искусстве в целом, технологический процесс приготовления блюд занимает ведущее место, т.к. он фактически обуславливает органолептические качества пищи. «Наша дорогая княгиня была хорошо осведомлена о принципах дочери Асклепия, Гигеи, ведь гигиена на кухне важнейший фактор и Барбаре чрезвычайно серьезно относится к соблюдению чистоты. В особенности это касается приготовления рыбы: жарки, очистки и хранения этого продукта», – подчеркнула Цатава. Хозяйкам также даны дельные советы о способах хранения соли, сахара, молока – «это самый «восприимчивый» продукт, поэтому нельзя молоко хранить рядом с продуктом, имеющим резкий запах, т.к. оно «всасывает» запах любого продукта». Интерес представляет процесс отбора мяса. По словам Далилы Цатава, в Грузии любят употреблять в пищу свежее, «горячее» мясо только что забитого животного, Барбаре же советует никогда не есть блюдо из свежезабитого быка, пока мясо хорошо не созреет. Именно этого принципа придерживается сегодня

Барбаре Джорджадзе

классическая европейская кухня. «Наверное, Джорджадзе прочитала эту информацию в соответствующей литературе, или наши предки владели эмпирическими знаниями о ферментации мяса», – отметила президент Гастрономической ассоциации Грузии.

КУРИЦА ПО ИМЕНИ ИНДЮК

По словам Далилы Цатава, княгиня удивительным образом смогла решить исторический спор между мегрелами и гурийцами, касающийся происхождения сациви. Она установила, что сациви – гурийское блюдо, а не мегрельское, как утверждалось ранее. Так как мегрельское сациви не варится, а гурийское – варится. В книге представлен пошаговый рецепт гурийского сациви, которое готовят из индюка. Рассказывая об этом блюде, профессор ТГУ сделала небольшое лирическое отступление, касающееся индюка. Главный слуга последнего царя Грузии Георгия XII, прозванного в народе «буйволоедом» из-за страстной любви к мясным блюдам, ознакомил его с новым кушаньем, приготовленным из мяса диковинной птицы. Этот слуга отвечал за покупку провизии и царскую кухню, однажды он пришел к господину и сказал: «Знаете, здесь у русских водится какая-то очень странная курица, она называется индюком, потому что хозяева привезли ее из Индии. Мы хотим ее вам

показать, говорят у мяса этой курицы превосходный вкус». Позвали русских, вывели перед царем птицу, а сидящие вокруг торговцы стали свистеть. Услышав свист, индюк «осмелел», раздулся и поднял громкий клекот. Царь удивился: «Как же его можно есть?» «А вот как», – и вынесли ему блюдо из индюшатины. Георгий XII пришел в неопределимый восторг, с тех пор в Тбилиси стали продавать мясо индюка и готовить из него сациви. Само же это блюдо стало ритуальным, потому что невозможно представить себе праздник Нового года и Рождества без сациви из индюка.

Еще одним великолепным компонентом нашей кухни являются холодные супы – «чриантели», их готовят из кизила, конского щавеля, ежевики, вишни или черешни. Джорджадзе отмечает, что их можно есть и в горячем виде. Примечателен чриантели из истрими – зеленого винограда, который только-только начинает созревать. В отношении него Барбаре употребляет интересное выражение: «когда на винограде устоится глаз (т.е. появятся первые признаки созревания), тогда и собирайте». Читая такие подробности, не удивляешься, что автор знает как настаивать кахетинское вино, отбирать гроздь, отжимать, хранить виноградный сок: «плотно закупорьте бутылку пробкой, закопайте в землю, полейте ее большим количеством воды и хорошо притопчите. К Рождеству вы получите великолепный мачари» (молодое бродящее вино).

ТОРТ В ДРОВЯНОЙ ПЕЧИ

Некоторые говорят, что в отечественной кулинарии нет десертов (кстати, грузинский эквивалент термина десерт – «чарози»). Как рассказывает княгиня Барбаре, сладостей в нашей кухне имеется в достатке, особенно в Восточной Грузии, например, вареная айва в меде или запеченная тыква, посыпанная своими же поджаренными семенами и политая медом. Великолепным чарози является

ся гозинаки. В бизнесе гастрономических туров существует продукт под названием «Take away» («возьми с собой»), это еда или напиток, который вызывает у туриста ассоциации с местом, где он гостил. Если раньше турист осматривал страну, то сейчас он ее «пробует», о полученных впечатлениях рассказывает друзьям, а также увозит домой этот «возьми с собой» продукт. В Грузии подобными продуктами являются чурчела, гозинаки, вино и различные сухофрукты. «Конечно, соседствующие с нами азиатские страны славятся обилием фантастических сухофруктов, но гозинаки и чурчелу у нас никто не отнимет», – подчеркнула Цатава. В сборнике приведено множество рецептов выпечки различного вида тортов: «Пражский», торт с шоколадом, «пирожни»

Далила Цатава

(так княгиня называет пирожные), «пирожные сладости» (стиль текста сохранен) и т.д. И это в то время, когда не было ни конвекционных духовок, ни холодильника и газовой плиты, все мучные изделия выпекали в дровяных печах. Хорошо описана структура огня, как зажигать печь, доводить до желаемой температуры. Вот что она советует хозяйкам: «если хотите, чтобы печь была «нормальной» для торта и не испортила пирог, закиньте в нее белую бумагу, если она тотчас же пожелтеет – печь испортит вам торт. А если бумага начинает гореть постепенно, как раз время, чтобы класть в духовку торт». «Этим методом можете прекрасно

воспользоваться, когда находитесь где-нибудь за городом и хотите побаловать себя дачным тортом», – с улыбкой отметила Цатава.

ЖЕНЩИНА ГУРМЭ

По словам Цатава, Барбаре Джорджадзе была истинной гурмэ (от французского слова «gourmet», человек, разбирающийся в тонкостях кулинарии, кулинарный эксперт). Гурмэ – очень требовательные и хорошо осведомленные люди, понимают что такое сбалансированный вкус и не едят все подряд. Данный термин часто путают со словом «гурман» – человек, любящий много и вкусно поесть, он пробует все без исключения, чего гурмэ никогда не сделает. Если гурмэ едет в кулинарный тур, то посещает самый высококлассный ресторан, заказывает национальное блюдо, сравнивает полученные впечатления с тем, что читал, видел, слышал о нем, и уже потом идет в сетевой ресторан среднего и низкого класса, чтобы понять, каким на самом деле должен быть вкус блюда. «С гурмэ не должно происходить такого ЧП, которое произошло, например, с нами когда в одном ресторане мы заказали мегрельский и имеретинский хачапури, и нам принесли два одинаковых хача-

пури. Мегрельский более «плотный», т.к. у него и внутри сыр и снаружи на нем лежит сулгуни, а имеретинский – тонкий», – отметила Цатава. То же можно сказать про сациви и баже – у них не должен быть один и тот же вкус, гурмэ запросто увидит разницу между ними, если он почувствует подвох, повторно уже не посетит ресторан, и заведение потеряет лояльного клиента. Профессор ТГУ призналась, что ожидала больше рецептов хачапури, чем представлено в сборнике. «Это один из брендов отечественной кухни, я надеялась на больший объем информации про хачапури из разных регионов страны, но у Барбаре описан только имеретинский хачапури с сыром «чквинти» и тестом на дрожжах. Ничего не сказано о таких разновидностях этого блюда, как аджарский, лазский, мегрельский, гурийский», – отметила Цатава.

По ее словам, когда листает книгу Джорджадзе, будто оживает история и культура Грузии, перед глазами предстают грузинские княгини, одетые в национальные костюмы с чихтикопи (головной убор), держащие в руках фарфоровые чашки с чаем и обсуждающие светские новости Тифлиса.

ПАСХАЛЬНЫЙ БАРАШЕК

■ **Медея АМИРХАНОВА**

Гараж моего дедушки находился напротив дома Валерика. Даже не помню, когда началась их дружба – наверняка задолго до моего появления на свет. Каждый день дед проводил много времени в гараже – обычно в яме под желтым «Запорожцем», обильно перепачканный мазутом, и обязательно виделся с Валериком. Дед любил его за веселый нрав и авантурный характер. Неудивительно, что и мы к нему относились с большой симпатией.

Даже мой серый кролик Кола не мог усидеть на балконе, если Валерик приходил к нам в гости. Дождавшись, пока он заведет свою любимую песню «Хндзори цари такин» («Под яблоневым деревом», арм.), он срывался с балкона в гостиную, и к концу четвертой строчки успевал распластаться во всю длину на спинке дивана. «Ес им ярин сиреци!» («Я полюбил свою любимую»). Морща нос от сигаретного дыма, но стойко оставаясь на своем лежбище, потому что зрелище того стоило.

Серьезная должность – начальник цеха одного завода – не мешала Валерику дурачиться. Он мог станцевать на подоконнике, держась одной рукой за раму. Вовлекал деда во всякие приключения, тащил в гущу событий. Начиналось все со звонка:

– Что делает Жора?

– На диване валяется, – прямодушно отвечает бабушка.

– Флорик-джан, вот прямо так и валяется?! Цавт танем* (заберу твою боль – пер. с арм.)! Скажи ему, чтоб собирался, кое-куда поедем.

Желтый «Запорожец» скрывается в конце улицы. Через два часа появляется дед с большим пакетом непонятно чего.

– Что там? – не терпится бабушке.

– Подпузники! – счастливо сообщает дед. – Нигде не достаются.

Официальное название товара звучало, конечно же, по-другому. «Подгузники женские».

Недолго думая, дед опреде-

лил Валерика в крестные мне и брату. Что тут думать? Крестный должен быть человеком светлым, жизнерадостным, удачливым, чтобы у крестников судьба счастливо складывалась. Крестили нас незадолго до Пасхи.

Накануне светлого праздника дед решил приобрести барашка для «матаха» («жертвоприношение» – арм.). Мясо пасхального агнца по древней традиции, заимствованной у иудеев, нужно раздать нуждающимся и неимущим.

Купить – купил. Но где поселить барашка, если живешь в многоквартирном доме, на втором этаже?

Тут я должна произнести оду тбилисскому балкону. Он всегда жил многообразной, нетривиальной жизнью. На балконе тбилисцы не только сушат белье, но и... Пьют летними вечерами кофе, сплетничают с подругами о личной жизни (только на два тона потише!), играют в нарды и домино, делают уроки, пишут статьи (личный опыт), красят волосы (так делала мама одной народной артистки), готовят еду (в 90-е на балконах дымили мангалы). Ставят финальные точки в семейных ссорах («пусть все видят, как ты мою кровь пьешь!»). Это оттого, что наш темперамент не умещается в тесном пространстве квартир и рвется наружу.

На нашем балконе был зверинец. В разное время там жили: утки, волнистые попугаи, хомяк, про кролика Колу вы уже слышали. Утки, проданные на птичьем рынке, как декоративные, выросли до банальных размеров и стали гадить кляксами. Пришлось отдать их соседке, державшей птичий двор, и взять с нее обещание, что доживут они до глубокой старости и не будут использованы для чахохбили. Хомяк оказался из цирковых – несколько раз прыгал парашютиком со второго этажа, любил свисать с балкона на одной лапке. И однажды пропал окончательно – наверно, ушел с бродячим цирком. Попугаи додумались, как открыть клетку, и два дня летали по району, не смотря на мои горячие слезы и призывы одуматься.

Так почему же на нашем балконе не могло найтись место

для барашка? Дед протащил его через кухню и определил на ночлег. Бросил большую охапку травы. Бабушка внимательно осмотрела барашка и не удержалась:

– Жора, тебя куда нельзя послать одного. Ты заметил, что барашек прихрамывает на одну ногу? Что за палочка привязана к его задней ноге?

– Я как раз потому его и выбрал. Он мне больше других понравился!

Причина дедовой симпатии объяснялась просто. Он был инвалидом войны, потерявшим пальцы на обеих ногах, и всю жизнь носил специальные ботинки, которые шились по заказу. Ходил вперевалку.

Бабушка тут же прикусила язык.

Мы с братом кормили барашка, гладили его по мордочке, старались скрасить ему этот день. Он смотрел на кухонную суету из-за стеклянной двери, и чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. Какое ему было дело до свежего тархуна, цицмати (кресс-салат) и зеленого лука, сложенных в тазике. До тщательно вымытых светлорозовых редисок, помидоров и огурцов; до гандзили (черемши), заправленной кахетинским подсолнечным маслом и уксусом; до имеретинского сыра, разрезанного на пробу и нахваливаемого после дегустации. До куличей на жаровнях, хорошо подошедших, которые остались лишь припудрить.

Траву из наших рук барашек ел без особого воодушевления. Оживлялся, лишь когда к нему подходил дедушка. Будто чувствовал в нем родственную душу. Мой дед был добрым человеком, окажись барашек поменьше размером и из числа декоративных животных, я бы уговорила его отказаться от «матаха». Но баранов дома не держат, потому все шло своим чередом.

Пришло время ложиться спать. В доме выключили свет. В темноте вдруг раздалось тревожное блеяние. Мы решили преждать – успокоится и уляжется спать. Но блеяние – испуганное, обиженное – становилось громче, настойчивее, к нему еще прибавился топот копыт.

– Так он всех соседей разбудит, – сказала мама, и, включив на кухне свет, пошла увещевать барашка. – Ну, что ты глупенький. Не бойся, спи.

Бе-е-бе-е-бееее, – продолжал барашек. Потом по очереди ходили мы с братом. Бе-е-бе-е-бееееее. Беееее!!!

Бабушка смекнула:

– Он Жору зовет.

Действительно, когда поднялся с постели дед в майке, и пошел на балкон, блеяние прекратилось. Барашек уселся на траву и умолк. Дед приласкал его, немного посидел рядом и отправился спать.

Полчаса спустя ночной зов повторился. Теперь уже никто не трогался с места, потому что звали конкретного человека. Моего деда.

– Жора, иди, – подтолкнула к неизбежности бабушка.

Дед, кряхтя нацепив чуствы, отправился на балкон – проводить терапию. Но она имела непродолжительный эффект – полчаса. И тогда он пошел на отчаянный шаг.

– Мне придется ночевать рядом с ним – заявил он. – Тогда в доме станет тихо.

– Ты хочешь уложить барана в гостиной? – ахнула бабушка.

– Постелите мне на полу, – распорядился дед. – Он ляжет в коридоре, а я в дверях гостиной. Видно, мне на роду написано мучиться. (В минуты огорчений в нем просыпался фаталист).

– Иди, – указал он место своему протееже, бросив на пол охапку травы. – Ты такой же, как я страдалец.

Барашек послушно опустился на правый бок. Дед примостился на полу, и положил на него руку. Конечно же, нам совсем расхотелось спать, так нас развеселила затея.

– Но если он ударит тебя копытом во сне? – допытывались мы с братом. – Не боишься?

– Чего мне бояться? Я единственный, к кому он потянулся в этом доме. Спи все!

В семь утра дед принял душ и куда-то засобирился. Как оказалось – к Валерику. Тот, как верный друг, должен был принять у него эстафету мучений.

– Я с этим бараном ночевал, не смогу смотреть, как его зарежут.

Валерик спал, его разбудила жена. Увидев на пороге деда с бараном на веревочке, он не смог удержаться от смеха:

– Жора-джан, что за круги у тебя под глазами? Баран дал тебе жару? Этот Затик (Пасха – пер. с арм.) ты надолго запомнишь.

Как бы я не хотела уберечь барашка, его в тот день зарезали, и раздали «матах». Дед не притронулся к его мясу, мы с братом тоже. Одно дело – есть мясо неизвестного барашка, и другое – того, кому ты смотрел в глаза и выражал любовь.

Показательные занятия на Михайловском плацу училища

«ГОСПОДА ЮНКЕРА, КЕМ ВЫ БЫЛИ ВЧЕРА?»

■ Владимир ГОЛОВИН

Обращение «Господа юнкера!» впервые прозвучало в столице Грузии 155 лет назад на Елизаветинской (ныне – Цинамдзгвришвили) улице. Там на углу с Фейерверкской (сегодняшней улицей Конституции), в расположении Кавказской артиллерийской гренадерской бригады 16 января 1866 года основывается временное юнкерское училище (юнкерская школа), рассчитанное на обучение лишь полсотни человек. А 20 сентября оно именуется уже Тбилисским юнкерским пехотным училищем и переходит в специально построенное для него здание на Михайловскую улицу – теперешний проспект Давида Агмашенебели. Из старого помещения туда можно попасть по нынешней улице Каргаретели. В ноябре уже набран полный штат преподавателей для двухлетнего обучения 200 человек (одной роты). На карте 1887 года видно, что здесь стоит лишь одно здание, но уже через несколько лет появляются еще три корпуса, и училище принимает вид, при-

вычный коренным тбилисцам.

Первые четыре таких учебных заведения появляются в Российской империи в 1864-м – в Москве, Вильно (Вильнюсе), Гельсингфорсе (Хельсинки) и Варшаве. Тифлисское – среди еще восьми, открытых в течение следующих двух лет. У каждого училища – собственный девиз.

Здание училища на Михайловском проспекте

И с учетом того, что он должен стать жизненным кредо будущих офицеров, девиз тифлисцев особенно привлекает. Судите сами. Идя по наиболее легкому пути, Павловское и Виленское училища выбирают народные пословицы – «Сам погибай, а товарища выручай!» и «Виленец один – и тот в поле воин!». Алексеевское пехотное, тоже особо не заморачиваясь, сурово констатирует: «Дисциплина – прежде всего!». Одесское попросту вспоминает трех мушкетеров: «Один – за всех, и все – за одного!»

У Киевского Константиновского пехотного училища – дидактическое: «Помните, чье имя носите!», у Чугуевского – романтическое: «К высокому и светлому – знай верный путь!». В Николаевском кавалерийском переделывают в полуутопическое: «И были дружною семьею солдат, корнет и генерал!», слова «И были вечными друзьями солдат, корнет и генерал» из «фирменной» песни училища. А у тифлисских юнкеров традиционно звучит лишь первая часть девиза: «Жизнь – царю...». Оно и понятно: царь – олицетворение государства, законности, божьего проявления. А вот дальше звучит: «...сердце – даме, честь – самому себе!» Согласитесь, это – четкое изложение того, к чему стремилась офицерская молодежь и чем вообще жили в Грузии.

Появление юнкерских училищ – часть реформ по созданию массовой армии и ликвида-

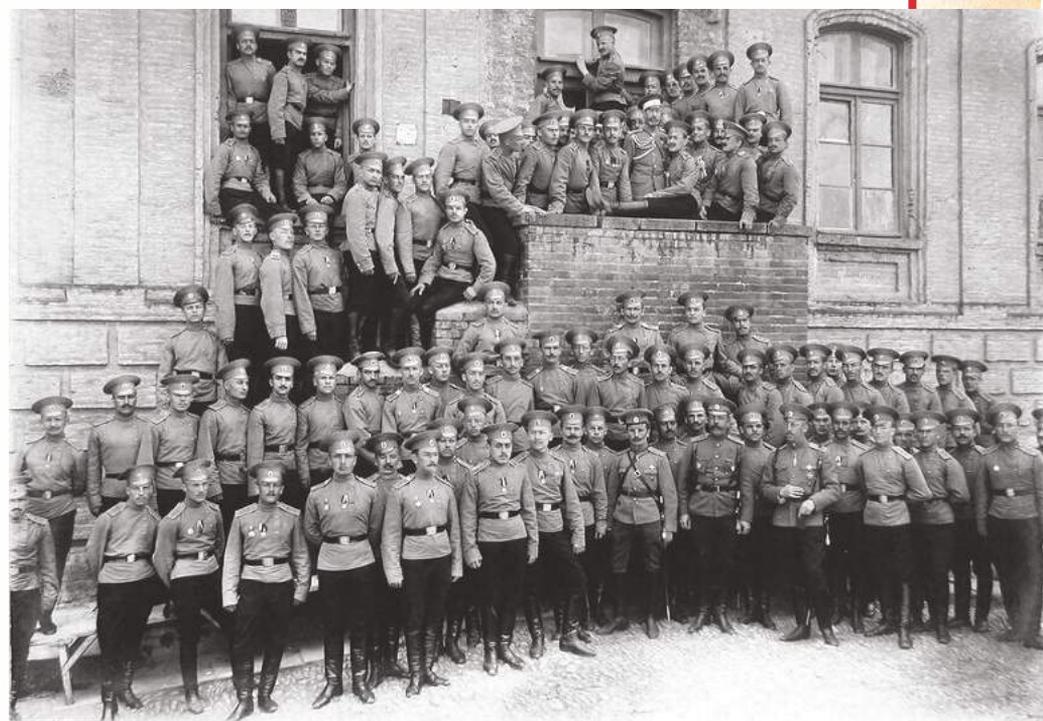

Знак об окончании
Тифлисского училища

ции военной отсталости России, которая проявилась в Крымской войне 1853-1856 годов. Особое внимание в этих реформах уделяется подготовке офицеров. Их ряды, до этого в основном пополнялись вольноопределяющимися (солдатами-добровольцами) и унтер-офицерами, прослужившими определенный срок и сдавшими очень легкий экзамен. По новым же правилам все, желающие стать офицерами и достигшие 17-ти лет, обязательно должны были учиться в юнкерских училищах.

Курс обучения в этих училищах, в том числе и в Тифлисском, – всего 2 года, а сразу в старший класс мог поступить каждый, имевший аттестат об окончании реальных училищ, гимназий и других средних учебных заведений. В младшем классе преподавали в основном общеобразовательные предметы, программа старшего класса предусматривала подготовку вплоть до командира батальона. Изучались тактика, уставы, полевая фортификация, различное вооружение, иппология (наука о лошадях). А еще – имеющие военный уклон топография, судопроизводство, география и гигиена.

Со временем добавляется третий класс для изучения военных дисциплин по углубленной программе, а число юнкеров увеличивается до 300 человек (трех рот). Они учатся и на территории училища (в классах и спортивных залах), и в строевых

Личный состав училища с великим князем Константином Константиновичем (на балконе, в центре группы юнкеров)

Император Николай II (в черкесске) в училище

частях. Летом их приписывали к ближайшим войсковым частям, а в 1879-м открывают для них стационарный летний лагерь около поселка Сурами. По окончании училища юнкера производились в подпоручики армейской пехоты.

Тифлисское училище по всей империи считалось престижным, поэтому большинство юнкеров – выходцы из образованных и интеллигентных семей. Но с годами призыв в армию растет, командиров стало не хватать, а число юнкеров увеличивается в разы. Поэтому доля юношей из семей военных и офицеров, почетных граждан и духовенства стала снижаться. И выходцы из крестьян и мещан составили более четверти всех офицеров

В 1891 году в Тифлисе торжественно отмечают 25-летие училища, носящего имя великого князя Михаила Николаевича (Кавказского наместника, при котором оно было основано). Через пару лет ему вручается шитое золотом гвардейское знамя с изображением Спаса Нерукотворного. В 1904-м и 1905-м в училище – ускоренный выпуск офицеров из-за Русско-японской войны. С 1910-го оно именуется Тифлиским военным, а не юнкерским, но его учащиеся – по-прежнему юнкерами. С началом Первой мировой войны их число значительно увеличивается – до 700 человек. Подготовка вновь проходит ускоренно – за 4 месяца, с присвоением звания прапорщиков, а не подпоручиков.

А в 1914-м в училище нагрянули два августейших проверяющих. В апреле – генерал-инспектор Военно-учебных заведений, великий князь Константин Константинович, а в ноябре – сам император Николай II. «Юнкерам Государь сказал удивительную речь, проникнутую чисто христианской любовью. Через два дня юнкера становились офицерами. Училище представилось образцово. Государь благодарил и юнкеров, и офицеров», – вспоминал начальник императорской дворцовой охраны Александр Спиридович. Выпускники училища «представились образцово» и надел офицерские

Полковник Давид Мачавариани (слева) с захваченным турецким знаменем

погоны. Вспомним хотя бы некоторых из них.

Герой Русско-турецкой войны 1877-78 годов Павел Черков назначается Тифлисским комендантом и «за отличие» производится в генерал-лейтенанты. Иван Думбадзе становится генерал-майором Свиты (состоит для особых поручений при императоре) и градоначальником Ялты. Абхазский дворянин полковник Сергей Лакербая, участник Первой мировой войны и кавалер персидского ордена Льва и Солнца исполняет должность мирового посредника Сухумского округа и «удостаивается высочайшего благоволения за труды по сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставке «Черноморское побережье – Кавказско-русская Ривьера в 1914 г.». А через два года погибает в бою с турками.

Сражаются на Первой мировой и три князя – выпускника Тифлисского училища. Герой Русско-японской войны Константин Геловани становится генералом Грузинской Демократической Республики. Полковник Георгий Мачабели с 1905 по 1917 годы награждается восемью орденами, командует 13-м лейб-гренадерским Эриванским полком. Полковник Михаил Шервашидзе, двоюродный брат последнего правителя Абхазии – последний командир одного из

В зимней парадной форме 1917 года – юнкер Николай Абазадзе

лучших полков русской армии – 4-го гренадерского Несвижского. Служил в войсках Грузинской Демократической Республики и Георгиевский кавалер, участвовавший в Русско-японской войне, полковник Александр Закариадзе. Потом он становится командующим Вооруженными силами грузинского эмигрантского правительства, в Польше арестовывается гитлеровцами, живет под постоянным надзором гестапо. Умер он в Париже, где работал в грузинском правительстве в изгнании. С японцами сражался и генерал-лейтенант, черноморец Йован Попович-Липовац, Георгиевский кавалер, участник шести войн и Белого движения. Еще он стал поэтом, путешественником, этнографом, актером и драматургом. А генерал-майора Федора Петрова, награжденного не только орденом Святого Георгия, но и Георгиевским оружием, убивают не немцы, а взбунтовавшиеся в 1917-м солдаты его дивизии.

Сознательно идет на верную гибель полковник Акакий Отхмезури, когда немцы применя-

ют против его батальона газы. В приказе о награждении его Георгиевским крестом говорится: «Отхмезури, так как голоса его не было слышно, презрев явную опасность, являя доблестный пример неустрашимости, присутствия духа и самоотверженности, снял маску, стал отдавать приказания и, открыв огонь, отбил наступление немцев, причем сам был отравлен ядовитыми газами и смертью своею запечатлел содеянный героический подвиг». А другой полковник – Давид Мачавариани получает такой же орден за разгром крупного турецкого подразделения и захват его знамени 490-м пехотным Ржевским полком, которым он командует.

При охране границы с Китаем отличается ротмистр 31-й Амударьинской бригады Отдельного корпуса Пограничной стражи князь Василий Гедеванишвили. В сражении с красноармейцами гибнет героически прошедший Русско-японскую и Первую мировую войны Георгиевский кавалер, генерал-майор Виталий Скловский... Еще может прозвучать множество имен, но, думается, и названных вполне достаточно, чтобы убедиться: воспитатели и командиры Тифлисского военного училища могли гордиться теми, кого они привели к офицерскому званию.

Почти сразу после большевистского переворота, в ноябре 1917-го, народный комиссар по военным делам Николай Подво-

Георгий Квинитадзе

йский издает приказ «О прекращении производства в офицеры». То есть приказ о закрытии всех военных учебных заведений. Еще один приказ – «О демократизации армии» отменяет все звания и награды, ношение погон, а офицеров предписывает называть «гражданами». Но в Тифлисе (как и потом, во многих вопросах) этим приказам «сверху» не подчиняются. И после провозглашения независимости Грузии училище официально переходит в ведение ее

Юнкера отправляются оборонять Тифлис от красных

Александр Чхеидзе

правления.

В мае 1920 года в Тифлисе поднимают восстание большевики. Они пытаются взять под свой контроль не только правительственные учреждения, но и военное училище, которым тогда руководит генерал-майор Георгий Квинитадзе. Под руководством этого опытного военачальника юнкера успешно отбивают атаку. А в феврале следующего года во главе с новым начальником училища, бригадным генералом Александром Чхеидзе они выступают уже против опытных частей Красной Армии, вторгшихся в Грузию.

Отрядам 11-й армии советской России, вышедшим на подступы к Тифлису, противостоят регулярная армия и народная гвардия Грузии, всего около 10 тысяч человек. С ними и 166 юнкеров из 183-х, числящихся в училище. Остальные лежат в госпиталях или работают на призывных пунктах. В боях погибают девять юнкеров – Александр Ахвледиани, Платон Дolidзе, Шалва Эристави, Павле Якобашвили, Леван Канделаки, Отар Лорткипанидзе, Михаил Лолуа, братья Иосиф и Илия Джандиери.

После падения независимой

Мемориал погибшим тифлиским юнкерам в Табахмела

Грузии большинство преподавателей и выпускников училища, не приняв советскую власть, уезжает за рубеж. И там создаются «Объединения Тифлиского Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Николаевича военного училища в эмиграции». В Париже такое объединение возглавляет генерал-лейтенант Белой гвардии, участник Русско-японской и Первой мировой войн, обладатель ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия Георгий Андгуладзе. В Белграде же объединением руководят «общее собрание и правление, особо выбираемое на годичный срок в день Училищного праздника».

Ну а Тифлиское училище при советской власти прошло через чехарду переименований и профессиональной ориентации. Оно поочередно становится «пехотно-пулеметными командными

курсами», «пехотной школой», «Закавказской объединенной военной школой». А после переименования города называется «Тбилиским военным училищем», потом – «Тбилиским горно-артиллерийским училищем». В годы Великой Отечественной войны свыше 60-ти его воспитанников становятся Героями Советского Союза.

С 1956-го это – «Тбилиское высшее артиллерийское командное училище», просуществовавшее до 1992 года, когда его переименовали в Екатеринбургское и вывезли на Урал. А ныне господа юнкера грузинской армии становятся офицерами в Горийском училище. Им принимать по наследству кредо: «Сердце – даме, честь – самому себе!»

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ჯ ი შ ვ ი ლ ი

**Близится к завершению реконструкция площади
Ладо Гудиашвили и прилегающих улиц**

Фото Александра Сватикова